

«МОЖЕТ ЛИ ЧЕЛОВЕК РОДИТЬСЯ
СНОВА, БУДУЧИ СТАР?»

УПРАЖНЕНИЯ БРАТСТВА
COMUNIONE E LIBERAZIONE

Римини 2010

«МОЖЕТ ЛИ ЧЕЛОВЕК РОДИТЬСЯ
СНОВА, БУДУЧИ СТАР?»

УПРАЖНЕНИЯ БРАТСТВА
COMUNIONE E LIBERAZIONE

Римини 2010

© 2010 Fraternità di Comunione e Liberazione
Переводчик с итальянского: Екатерина Цыганкова
Редакторы: Елена Фьерамонти, Марина Мананникова

На обложке: Якоб Йорданс, *Христос и Никодим*. Музей изобразительных искусств, Турне
(фото Scala, Флоренция)

Ватикан, 20 апреля 2010 года

Достопочтенному
отцу Хулиану Каррону
Президенту Братства *Comunione e Liberazione*

По случаю Духовных Упражнений Братства «*Comunione e Liberazione*» на тему «Может ли человек родиться снова, будучи стар?» Папа с любовью помнит обо всех участниках, и, высказывая добрые пожелания, чтобы эта встреча обновила верность Христу, единственному источнику надежды, для пламенного свидетельства о Евангелии, молится об обильном излиянии небесных благ, и посылает Вам, ответственным Братства и всем собравшимся, особое апостольское благословение.

Кардинал Тарчизио Бертоне, Государственный секретарь
Его Святейшества

Пятница 23 апреля, вечер

При входе и выходе:

Франц Шуберт, Симфония 8 си минор, D 759, “Неоконченная”

Carlos Kleiber – Wiener Philharmoniker

“Spirto Gentil” n. 2, Deutsche Grammophon

■ ВВЕДЕНИЕ

Хулиан Каррон

Мы все приехали сюда более или менее сознательно, движимые желанием, ожиданием, неотложной потребностью, чтобы что-то произошло в нашей жизни и обновило бы ее, вновь привело ее в движение, если она остановилась, победило бы скептицизм, который просачивается в нас, парализуя нас; чтобы что-то дало нашей жизни дыхание, которое спасло бы нас от удушья в обстоятельствах.

Мы прекрасно знаем, что такая новизна появляется в истории только благодаря Христу. Мы приезжаем сюда, движимые той надеждой, которую Он однажды пробудил в нас – в тебе, во мне – тем потрясением, которое мы ощутили и ощущаем на себе с того момента, как это с нами случилось. Сколько аспектов нашей личности, нашей жизни ждут, когда же Он их изменит!

Поэтому призовем Духа Христова, чтобы Христос все больше пронизывал каждую нить, из которой соткано наше бытие, чтобы Он все больше делал нас причастными той взволнованности Бытием, которую мы удостоились разделить с Тайной («в Тебе источник бытия»).

Снизойди, Дух Святой

Начну с чтения телеграммы, которую прислал нам Святейший Отец: «По случаю Духовных Упражнений Братства *Comunione e Liberazione* на тему «Может ли человек родиться снова, будучи стар?» Папа с любовью помнит обо всех участниках, и, высказывая добрые пожелания, чтобы эта встреча обновила верность Христу, единственному источнику надежды, для пламенного свидетельства о Евангелии, молится об обильном излиянии небесных благ, и посылает Вам, ответственным Братства и всем собравшимся, особое апостольское благословение. Кардинал Тарчизио Бертоне, Государственный секретарь Его Святейшества».

Приветствую каждого из вас и всех друзей, которые на связи с нами в разных странах.

«Христос воскрес!» Эту весть Церковь веками неустанно возвещает нам. Это событие господствует над историей, это событие не может убить никакая ошибка, совершенная нами самими или нашими братьями, не может стереть никакое зло, какое бы ни случилось. Данный факт есть причина нашей надежды, и с самого первого мгновения этих дней в нас должен господствовать этот факт: Его воскресшее Присутствие. Взгляд на нашу жизнь, на наше самосознание, на реальность и на мир, который не исходил бы из этого Присутствия, был бы ложным, не соответствовал бы всем факторам реальности, потому что в нем не доставало бы решающего фактора всей истории. Нет новости важнее, не было новости важнее, чем тот факт, что Христос воскрес. Поэтому в той мере, в какой мы позволим, чтобы нас полностью заполнило это живое Присутствие, чтобы в нас господствовала эта истина, которая есть исторический факт, – не рожденная нами мысль, но событие, произошедшее в истории, – в той мере мы ощутим, как изменится наше самосознание.

Мы собрались вместе, чтобы прожить настоящие дни под воздействием этой взволнованности, на волне, насыщенной взволнованностью от того, что Христос умер и воскрес ради нас. Я прошу вас оставить для Него место, то есть позволить этому событию увлечь нас; не допустим, чтобы оно осталось в нас просто словами. Ведь это произошло: какой свет, какое дыхание, какую надежду дает жизни этот факт! Это самый очевидный и самый убедительный знак нежности Тайны в отношении каждого из нас, безграничного милосердия Бога к нашей ничтожности (включая наше предательство).

Это Его победоносное Присутствие подвигает нас продолжать наш путь, чтобы все упорнее стараться преодолеть разрыв между знанием и верой, чтобы этот факт, признанный верой, стал определять жизнь больше, чем все остальное. Если же этот факт останется только на уровне набожности или благочестия, то его как будто и не было, он как будто и не обладает всей насыщенностью реального факта, благодаря которой он мог бы изменить жизнь, влиять на жизнь; и тогда нас определяет все остальное, что выбивает из колеи, что сбивает с толку, что приводит нас в уныние, что не дает нам дышать, видеть, прикасаться к новизне, которую Христос воскресший принес и приносит в нашу жизнь.

Два года назад мы начали с веры, истоком которой является, как вы помните, «исходная точка вне нас»: ¹ столкновение с исключительным

¹ «Сия есть победа, победившая мир, вера наша», Духовные Упражнения Братства Comunione e Liberazione, 2008, стр. 13.

Присутствием. Вера есть признание этого исключительного Присутствия, которое сегодня наличествует во плоти благодаря свидетелям, христианскому народу, Церкви, что было бы невозможно, если бы Он не рождал ее постоянно. Но в прошлом году² мы подробно говорили о том, что хотя мы видели множество исключительных фактов, хотя перед нами множество свидетелей, нам кажется, что через мгновение все исчезает; и мы определили причину этого в разрыве между знанием и верой, который проявляется в умалении веры до проекции чувства, до этики или формы религиозности, чуждой или противопоставляемой познанию. Умаление заключается в следующем: вера более не понимается и не переживается как путь познания присутствующей реальности, и это делает нас такими же слабыми и растерянными, как и все остальные. Вера, которая не является познанием, которая не является признанием реального Присутствия, бесполезна для жизни, не дает основы для надежды, не изменяет наше самосознание, не способна позволить нам дышать полной грудью в любых обстоятельствах. А ключевым моментом этой трудности мы назвали недостаток человечности: «Сегодня в нашей среде недостает не Присутствия (мы окружены знаками, свидетелями!) – недостает человеческого. Если не вовлечена человечность, то путь познания прерывается. Друзья, недостает не Присутствия – недостает пути»,³ того пути, начало которому положило любопытство в отношении Присутствия, познание которого мы хотим все больше углублять.

Спустя год есть знаки, показывающие, что разрыв между знанием и верой не преодолен.

Первый – непонятна связь между христианским событием и человечностью: мы продолжаем воспринимать их отдельно друг от друга. Несколько месяцев назад, после того, как я настойчиво говорил о предстоящей работе, об опыте, один человек сказал мне, что вначале движение поразило его как встреча с чем-то объективным вне него, и поэтому он не понимал, почему я так настойчиво призывал совершать какую-то работу. И тогда мне пришлось напомнить о том, с чего мы начали: происходило столкновение с Присутствием, но затем все исчезало. Если эта трудность не преодолена, значит, мы не понимаем отношения между христианским событием и началом движения нашего «я», не понимаем, что знак того, что встреча произошла со мной – в том, что я принимаюсь за

² Ссылка на Духовные Упражнения Братства *Comunione e Liberazione*, «Вера определяет метод», Римини, 24-26 апреля 2009.

³ «Вера определяет метод», Духовные Упражнения Братства *Comunione e Liberazione*, 2009, стр. 21.

работу, потому что пробуждена моя человечность. Работа есть самый очевидный знак того, что христианство – это событие, что во мне происходит то, что пробуждает меня.

Второй знак – что христианское событие не формирует новый менталитет. Этим летом мне довелось услышать рассказы наших друзей, живущих за границей. Они говорили, что в отношении определенных фактов было заметно, что исходный менталитет оказывался в большей степени определяющим, оказывался сильнее, чем менталитет, который рождается из встречи: реакция многих из нас на события в их жизни и в мире оказывается в большей степени созвучна всеобщему менталитету, чем тому менталитету, который выражает харизма движения. У меня была возможность посетить многие общины, и это я увидел везде.

Мы как будто ощущаем на себе последствия того, что так волнующе описал Пеги: «В первый раз, в первый раз после Христа мы увидели, как на наших глазах, мы увидим, как возникает мир, или город, как формируется новое общество, или город; современное общество, современный мир; как мир, общество строится или, по крайней мере, собирается, (рождается и) растет после Христа, без Христа. И самое страшное, друг мой, не нужно это отрицать, – что им это удалось. [...] Это ставит вас в трагическую, уникальную ситуацию. Вы первые. Вы первые из современного мира».⁴ После Христа, без Христа. Речь не только о постепенном отходе от религиозных практик; самый явный знак устранения Христа из жизни – подавление измерений, присущих человечности, усеченное представление о собственной человечности, о себе самом, усеченное использование разума, привязанности, свободы, умаление масштаба желания. Много лет назад о. Джуссани использовал метафору с ядерным взрывом в Чернобыле, который стал причиной подобных искажений человеческого духа: «Структура организма сохраняется, но его динамика не остается прежней. Как будто произошло внедрение на физиологическом уровне».⁵

Поэтому я спросил себя: способно ли христианство поразить самую сущность нашего менталитета, или оно просто добавляет немного внешних организационных деталей, немного благочестия и морализма к нашему «я», уже совершенным образом устроенному, бесчувственному к любому вмешательству? И поэтому в нынешнем году я часто вспоминал диалог Иисуса и Никодима, из которого мы взяли фразу для темы наших Упражнений: «Между фарисеями был некто, именем Никодим, один из начальников Иудейских. Он пришел к Иисусу ночью и сказал

⁴ Ш. Пеги, «Вероника».

⁵ L. Giussani, *L'io rinasce in un incontro (1986-1987)*, BUR, Milano 2010, p. 181.

Ему: Равви! мы знаем, что Ты – учитель, пришедший от Бога; ибо таких чудес, какие Ты творишь, никто не может творить, если не будет с ним Бог. Иисус сказал ему в ответ: истинно, истинно говорю тебе: если кто не родится свыше, не может увидеть Царствия Божия. Никодим говорит Ему: как может человек родиться, будучи стар? неужели может он в другой раз войти в утробу матери своей и родиться?». ⁶ Возможно ли в нашей ситуации новое творение, нечто действительно новое? На мой взгляд, это самый грандиозный вызов из тех, что сегодня обращены к христианству: способно ли оно – в той форме, в какой оно достигло нас и было нами признано, то есть в форме движения, – пробить корку нашего образа жизни или же оно обречено оставаться чуждым нам, в конечном счете, каким-то приложением. Если не изменяется способ восприятия, суждения о реальности, это значит, что центра «я» не достигла никакая новизна, что христианское событие осталось чуждым нашему «я». Для нас вера тоже может быть предметом из ряда подобных предметов, прилепленной к другим, поставленной в ряд с другими, сосуществующей с такими же взглядами и чувствами, как и у всех. Отец Джуссани сказал много лет назад: «Весь вопрос нашей жизни в вере можно в точности свести к преодолению такой ситуации, когда вера находится в ряду других вещей, потому что Христос, христианское событие [...] облекает и пронизывает все». ⁷ Если не преодолеть эту позицию, мы не сможем понять соответствие веры жизненным потребностям.

Каждый из нас может судить о работе, проделанной за этот год, и проверить, в какой мере эта новизна проникла в центр нашего «я». Какую новизну она принесла? Это не наши мысли, это не вопрос мнений или интерпретаций: достиг ли Христос как новизна центра нашего «я» и определяет ли все по-новому, мы видим из того, как мы живем в реальности. В течение последнего года я видел множество знаков этого во многих наших общинах (но в то же время нужно еще много работать, как все мы можем признать в своем опыте). У всех этих положительных знаков есть общий знаменатель – люди, серьезно следующие за тем предложением, которое мы себе сделали. Но у многих все еще возникает вопрос: какую работу мы должны проделать? Часто о слове «работа» каждый имеет собственное представление.

Поэтому мы хотим продолжить разговор о том, что означает эта нехватка человечности. В этом году мне довелось прочитать несколько лекций по «Религиозному чувству» для новичиев *Memores Domini*, и поскольку я

⁶ Ин. 3, 1-4.

⁷ L. Giussani, *L'io rinasce in un incontro (1986-1987)*, op. cit., p. 41.

находился под воздействием работы, которую мы совершаем вместе, меня поразило, каким образом я перечитал эти главы: не так, как я читал их раньше, как часть пути к вере, но изнутри веры. Поэтому я позволю себе использовать некоторые главы «Религиозного чувства», чтобы помочь нам понять, как Джуссани ведет нас в нашем пути.

Но сначала нам надо посмотреть в лицо возражению, о котором я упомянул ранее: для нас событие и работа, кажется, находятся по разные стороны. В этом отличие (которое я иногда замечаю) намерения следовать за отцом Джуссани от настоящего следования за отцом Джуссани. Смотрите, что он говорит тем, кто противопоставляет христианство и работу: «Иисус Христос пришел в мир не для того, чтобы избавить человека от трудов [сказанного уже было бы достаточно], отнять у него свободу или гарантировать его от испытаний, которые есть условие человеческой свободы. Он пришел в мир для того, чтобы помочь человеку проникнуть в суть своих проблем, помочь осознать реальное положение и вернуть ему изначальное предназначение. Действительно, все проблемы, перед которыми жизненные испытания ставят человека, усложняются, вместо того, чтобы разрешаться, если не спасены определенные основополагающие ценности. Иисус Христос пришел, чтобы вновь призвать человека к истинно *религиозной жизни*, вне которой всякая претензия на разрешение трудностей обращается в ложь. Проблема познания смысла вещей (познания истины), проблема использования вещей (труд), проблема осознания человеческих ценностей (любовь), проблема человеческого общежития (общество и политика) не могут быть правильно поставлены и поэтому постоянно порождают всевозрастающий хаос в истории каждого отдельного человека и всего человечества в той мере, в которой поиски их решения не основаны на началах религии («Всякий, кто последует за Мною, получит во сто крат и наследует жизнь вечную», ср. Мф. 19, 29). Задача Христа – не разрешение различных проблем, но указание человеку той позиции, которую он должен занять, чтобы успешно искать путь к их разрешению. Каждый человек обязан сделать это, ибо стремление стать на эту позицию – его жизненно важный долг».⁸

И еще: «Настаивать на необходимости религиозной жизни – это первый абсолютный долг воспитателя, то есть друга, любящего и желающего помочь человеку на пути к своей судьбе. Человеческое изначально существует лишь в индивидууме, в личности. Именно в настойчивом утверждении этой необходимости – суть проповеди Иисуса Христа.

⁸ Л. Джуссани, «У истоков христианского притязания», Христианская Россия, Москва, 2010, стр. 133-134.

Нельзя надеяться прийти к пониманию христианства, не восходя к его истоку – страстной любви к личности».⁹

И если это еще не стало ясно, отец Джуссани замечает, что задача Церкви та же: «Церковь не имеет непосредственной Своей целью дать человеку решение проблем, встречающихся на его пути. Мы видели, что своей ролью в истории Она объявляет воспитание человечества к религиозному чувству, и мы видели также, что это подразумевает призыв к человеку занять правильную позицию по отношению к действительности и задаваемым ею вопросам, правильную позицию, которая представляет собой наилучшие условия для того, чтобы находить более верные ответы на эти вопросы. Мы также подчеркивали, что весь спектр человеческих проблем не может быть изъят из сферы свободы и творчества человека, как если бы Церковь брала на Себя обязательство давать ему уже готовые решения».¹⁰

Поэтому лучшая дань уважения отцу Джуссани в пятую годовщину его смерти с нашей стороны – следование не только в намерениях, но и на деле. Так мы сможем видеть, как спустя пять лет после смерти он продолжает быть нам отцом больше, чем когда-либо раньше, рождать нас, если мы действительно выражаем свою расположенность к этому.

Жест таких масштабов не может состояться без вклада каждого из нас, без жертвы, которая проявляется через внимание к объявлениям, к молчанию, к указаниям: эта жертва есть форма нашей просьбы к Христу, чтобы Он сжалился над нашей ничтожностью, чтобы Он не позволил нам проваливаться в небытие даже в течение этих дней. Это возможность создать атмосферу молчания, чтобы семя, которое мы посеем сегодня, когда будем слушать, не упало бы при дороге, где нет земли для ростка. Без молчания все улетучивается через полминуты. Меня каждый раз впечатляет, что молчание рождается именно из этого события: Его слово наполняет меня молчанием. Молчание нужно не только для порядка – это единственный сообразный ответ событию.

⁹ Там же, стр. 117.

¹⁰ Л. Джуссани, «Зачем Церковь», «Христианская Россия», Москва, 2004, стр. 174-175.

СВЯТАЯ МЕССА

ПРОПОВЕДЬ ОТЦА МИКЕЛЕ БЕРКИ

Столкнувшись с вызовом Христа, мы можем прожить сегодняшний вечер и все это время с таким же отношением, что и Савл, Павел: «Кто Ты, Господи?»: позволить, чтобы Кто-то выбил нас из седла нашей самонадеянности, нашей рассеянности или нашего цинизма, и разрешить, чтобы Он взял нас за руку, как Савла, и вел нас, чтобы наши глаза открылись навстречу Ему, Тому, Кого мы все уже встретили в нашей жизни. Или же мы можем вести себя как иудеи, исполненные резкости и едкости.

Ты сам решаешь, как ответить Господу, Который говорит тебе: «Ты жаждешь Меня, вся твоя жизнь – жажда и голод по Мне. Не успокаивайся, не довольствуйся даже тем чудом, которое видели твои глаза». Он сказал это людям, присутствовавшим при умножении хлебов. Он повторяет это нам сегодня вечером: «Не довольствуйся величию этого жеста, чудом, которое есть этот жест. Ты жаждешь Меня, Моего живого присутствия. Твоим отцам было недостаточно манны в пустыне, умножения хлебов было недостаточно: ваши отцы умерли». Точно так же нам для нашей жизни не будет достаточно этой встречи. «Если эта встреча не ведет тебя ко Мне, – говорит нам Господь сегодня вечером, – она бесполезна».

Единственная настоящая опасность, грозящая нам, – быть здесь, желая чего-то меньшего, меньшего, чем Он, пытаться удовольствоваться меньшим, чем все, все, которое для нас есть Ты, Господи, все, превосходящее все наши представления, все то море милосердия ко мне, которое есть Ты, Господи.

Попросим у Богородицы, чтобы она помогла нам изменить наше отношение, если нам нужно изменить его, чтобы мы никогда, особенно в течение этих трех дней, не довольствовались чем-то меньшим, чем ее Сын.

Суббота 24 апреля, утро

При входе и выходе:

*Франц Шуберт, Соната для арпеджионе и фортепиано, D 821
Мстислав Ростропович, виолончель – Benjamin Britten, фортепиано
“Spirto Gentil” n. 18, Decca*

Отец Пино. Иисус Христос пришел в мир не для того, чтобы замещать человека в его трудах, его свободе или устранить человеческие испытания. Он пришел в мир для того, чтобы напомнить человеку суть всех вопросов, его основополагающую структуру и его реальное положение.

Ангелус

Утренняя молитва

■ ПЕРВОЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ

Хулиан Каррон

Только божественное может «спасти» человечность

Наша цель ясна – преодолеть разрыв между знанием и верой, чтобы получить возможность основать свою жизнь на чем-то истинном, реальном, на том, что позволит нам переживать все по-новому. Для того, о чем мы сказали, для достижения этой цели необходимо преодолеть недостаток человечности.

1. Вызов, исходящий от реальности

Что приводит в движение мою человечность? «Если бы я впервые в этот момент распахнул глаза, выходя из чрева моей матери, я был бы поражен и удивлен всем как «присутствием»».¹¹ Отец Джуссани объясняет: «Во-первых, ясно то, что изумление, о котором мы говорили, является опытом вызова. Обращая взор на реальность, я сталкиваюсь с тем, что

¹¹ Л. Джуссани, «Религиозное чувство», «Христианская Россия», Москва, 2004, стр. 117.

призывает меня к открытости. То, как предстает передо мной реальность, является призывом к чему-то иному [поэтому реальность кладет начало во мне этой открытости, воспитывает меня не словами, не приказами, не моралистическими призывами, но бросая мне вызов: это вклад реальности для того, чтобы мое «я» открылось, постоянно распахиваясь навстречу полноте реальности]. Результатом рассмотрения реальности не является во мне простое отображение как на фотопленке; ее образ «не отпечатывается на мне» и все. Она впечатляет меня, волнует. Реальность, как я говорил, влечет меня к поиску чего-то иного, за пределами того, что непосредственно доступно восприятию. Реальность захватывает наше сознание так, что оно пред-чувствует и воспринимает нечто другое». ¹² Представим себе, что я отправился на занятие и принес с собой устройство, которого мои ученики никогда не видели. Пытаясь включить его в розетку, я заметил, что забыл провод в профессорской. Что произойдет, если я выйду из аудитории, чтобы принести провод? Тому, кто был преподавателем, догадаться нетрудно: все встанут со своих мест и подойдут к устройству, чтобы посмотреть, что это такое. Если кто-то не встанет, чтобы показать, что он не такой как все, ему потребуется больше энергии, чтобы сдержать любопытство, чем чтобы ответить на призыв, исходящий от присутствия этого устройства. Мария Самбрано говорит: «Человек обращается к реальности для того, чтобы познать ее в большей или меньшей степени, только после того и исходя из того, когда он ощутит ее как обещание, как родину, от которой, в принципе, он ждет всего, в которой он надеется обрести все». ¹³

Поэтому, «глядя на море, на землю, на небо и на все, что движется в них, я не остаюсь бесчувственным, я воодушевлен, тронут, взволнован тем, что вижу. И это волнение влечет меня искать нечто иное». ¹⁴ Воодушевлен, тронут, взволнован: «взаимоотношение с реальностью глубоко волнует меня и влечет за пределы непосредственно данного». ¹⁵

Если реальность обладает способностью так захватывать «я» и побуждать его двигаться, представьте, какой силой над «я» будет обладать исключительное Присутствие, полное привлекательности, соответствующей сердцу до такой степени, что благодаря этому возникает ни с чем не сравнимая привязанность! Потому что в случае христианства действует та же динамика, что и в случае реальности, но еще более интенсивная, потому что именно в этом случае она осуществляется в наибольшей сте-

¹² Там же, стр. 128.

¹³ М. Zambrano, *I beati*, Feltrinelli, Milano 1992, p. 106.

¹⁴ Л. Джуссани, «Религиозное чувство», цит., стр. 128.

¹⁵ Там же.

пени. «В тот день их сердца [речь идет об Иоанне и Андрее] забились от *Присутствия*, неожиданно и несомненно отвечавшего тому желанию истины, красоты и праведности, что составляло их простое и непритязательное естество. С тех пор они, хотя и будут тысячу раз предавать Его и неверно Его истолковывать, никогда уже Его не покинут, станут «Его» людьми». ¹⁶ Об этом же опыте свидетельствовал отец Джуссани в 1998 году на площади святого Петра: «Только Христос принимает близко к сердцу мою человечность. Это изумление Дионисия Ареопагита (V век): «Кто мог бы говорить о любви к человеку, свойственной Христу, преисполненной мира?» Я повторяю эти слова на протяжении более пятидесяти лет! [...] Именно простота сердца вынуждала меня ощущать и признавать исключительность Христа с той уверенной незамедлительностью, как это происходит в отношении непрístupной и нерушимой очевидности факторов и моментов реальности, которые, попадая в горизонт нашей личности, поражают нас до глубины сердца». ¹⁷

Почему встреча обладает таким влиянием на «я»? «Встреча с объективным фактом, которая изначально не зависит от человека, [...] сообразует пронизательность человеческого взгляда с исключительной реальностью, которая его побуждает. Это “благодать веры”». ¹⁸ Но почему эта исключительная реальность настолько сильно захватывает «я», превознося его способность познавать? Благодаря «*сознанию соответствия* между значением Факта, с которым человек встречается, и значением собственного существования [потребностей, составляющих мое «я»]». ¹⁹ Поэтому христианский опыт в высшей степени превозносит разум и свободу, приводит в движение все «я», в большей степени, чем что бы то ни было, как говорит Эдит Штайн, именно потому, что «*в то время*, как я его постигаю, он захватывает меня в центре моей личности, и я держусь за него». ²⁰

2. Знак

Какая динамика возникает в «я», настолько тесно включенное в отношение с реальностью? «Как называется то, что можно видеть и осязать,

¹⁶ Л. Джуссани, «В поисках человеческого лица», «Христианская Россия», Милан-Москва, 1997, стр. 9.

¹⁷ L. Giussani, «Nella semplicità del mio cuore lietamente ti ho dato tutto», in L. Giussani – S. Alberto – J. Prades, *Generare tracce nella storia del mondo*, Rizzoli, Milano 1998, p. IV.

¹⁸ Л. Джуссани, «Рискованное дело воспитания», «Христианская Россия», стр. 133-134.

¹⁹ Там же, стр. 134.

²⁰ E. Stein, *Natura Persona Mistica*, Città Nuova, Roma 1997, p. 105.

видение и осознание чего отсылает меня к чему-то иному? Знак. [...] Именно с помощью такого метода природа отсылает нас к тому, что отлично от нее: через знак».²¹ Не через слова, не через приказы – через реальность, которая приводит меня в движение, волнует меня, бросает мне вызов, подталкивает меня. Уже одно это – важный момент, требующий исправления, которое нам предлагает отец Джуссани: значение имеют не наши мысли и не наши цели, а честность в отношении реальности. Мы можем открыть, когда именно мы начинаем ощущать нехватку человечности: когда мы уступаем искушению заблокировать это движение. Отец Джуссани приводит примеры, чтобы мы лучше поняли, что это значит: «Если мы находимся перед дорожным знаком на перекрестке, то было бы неразумно ограничить смысл этого существованием столба с указателем, отрицая то, на что он указывает. Взгляд на это явление не соответствовал бы той энергии, с которой человек воспринимает этот столб и стрелку. Ограничение этого явления только опытом его непосредственного внешнего вида не соответствовало бы человеческой личности».²² То же самое он говорит о столкновении с букетом цветов: «Взгляд на явление присутствия букета фиалок не был бы человеческим без принятия приглашения, которое заключается в этом явлении [то есть ответа на него]. Приглашение состоит в побуждении спросить: “Откуда?”»²³ Так происходит в отношении всей реальности. «Точно так же не было бы человеческим рассматривать реальность мира, умаляя человеческую способность углубляться в поиск «иного», – так как нас, людей, побуждает к этому поиску столкновение с реальностью. Как уже было сказано, это было бы [внимание!] проявлением позитивизма: парализованность всего человеческого».²⁴ Вот в чем недостаток человечности: полная парализованность человечности!

Каким образом Христос идет нам навстречу, не для того, чтобы замечать нас, а чтобы помочь нам? «Для христианина, проникнутого сознанием присутствия Христа, для нового человека, новым творением, то есть знаком, становится все [все есть знак]. Евангелие лишь сдержанными намеками описывает нам тот взгляд, с которым Иисус смотрел на природу: как Он показывал ученикам полевые цветы, птиц небесных, смоковницу и виноградники своей земли, панораму города, который Он любил. Его сознание связи между объектом Его взгляда и судьбой, Отцом, было непосредственно ясным. В Нем все порождалось творящим жестом Отца

²¹ Л. Джуссани, «Религиозное чувство», цит., стр. 129.

²² Там же, стр. 130.

²³ Там же.

²⁴ Там же, стр. 130-131.

и поэтому было чудом. Таким образом, чем больше человек верит в присутствие Христа в Церкви, тем сильнее изумляют его знамения Божии даже в самой сокровенной ситуации, даже при возникновении самой тайной мысли. И тогда не нужен какой-то особый шок, чтобы напомнить о великом источнике, образующем жизнь, достаточно обыденности мгновения. Глаз, взвзирающий на одну точку, стремится охватить всю панораму целиком, и только так та точка становится действительно соразмерной цельности. В аналогичном «охвате всей панорамы» заключается религиозное измерение сознания [для этого Христос и пришел: чтобы пробудить религиозное чувство]. В жизни мы часто не имеем такого общего видения, словно наш взгляд сужен неким дефектом. Но источником эстетики, нравственности, истины является целостность».²⁵

Какой стала бы жизнь, друзья, если бы каждый миг, самый сокровенный, был бы наполнен такой напряженностью! Поэтому нам нужен Тот, Кто освободит нас от дефекта, парализующего наш взгляд: Христос пришел именно для того, чтобы избавить нас от этого дефекта, открыв нас для полноты. Каким образом? Прилепляя нас к Себе, пробуждая всю нашу привязанность, всю нашу свободу и разум. «Христианская вера рождается как личная привязанность к этой встрече. Вот самые прекрасные слова Романо Гуардини: «Определенную аналогию с этой ситуацией может ощутить тот, для кого приобретает большое значение определенный человек; это может быть настолько сильно, что весь мир, судьба, долг осуществляются как бы через любимого человека, он как бы содержится во всем, все о нем напоминает, он придает всему смысл. [...] В опыт великой любви включается все, в опыте «я» – «ты» все происходящее становится событием, включенным в его сферу»».²⁶ Становится событием: всякая вещь есть событие, потому что я строю отношения со всем, будучи взволнован любимым человеком, и тогда все начинает говорить мне, удивлять меня, как сказал Авраам Хешель: «Мы замечаем Тайну не только тогда, когда достигаем кульминационной точки размышления или наблюдения за странными и исключительными фактами, но скорее тогда, когда отдаем себе отчет в удивительном факте существования фактов».²⁷ Факты, которые прежде казались само собой разумеющимися, сейчас начинают удивлять нас, и жизнь становится совсем другой, хотя факторы остаются теми же.

²⁵ Л. Джуссани, «Зачем Церковь», цит., стр. 245.

²⁶ L. Giussani, «Comunione e Liberazione oggi», in *Quaderni Mazziani*, n. 1, pro manuscripto, Padova 1985-1986 (1986), p. 40.

²⁷ A.J. Heschel, *Dio alla ricerca dell'uomo*, Borla, Roma 1983, p. 76.

Именно для этого Он и пришел – помочь нам. Но мы можем оказать сопротивление, как Христос упрекает народ в Евангелии: «Сказал же и народу: когда вы видите облако, поднимающееся с запада, тотчас говорите: «дождь будет»; и бывает так; И когда дует южный ветер, говорите: «зной будет»; и бывает. Лицемеры! лице земли и неба распознавать умеете, как же времени сего не узнаете?»²⁸ Как же они не могли распознать факты и знаки, которые Он показывал им? Не потому, что они были глупы. Обвинение в лицемерии справедливо, потому что народ был достаточно умен, чтобы распознавать знаки погоды (облако и южный ветер), и поэтому он должен был быть способен распознать также и знаки действия Бога. В этом нам нет оправдания! Если мы этого не делаем, то не потому, что не способны, но потому, что не расположены.

3. «Может ли человек родиться снова, будучи стар?»

Когда мы видим собственную нерасположенность, у нас часто возникает вопрос: возможно ли это изменить после всего того, что произошло и продолжает происходить с нами? Может ли человек родиться снова, будучи стар? Этот вопрос задал Никодим, который по знакам понял, что Христос пришел от Бога. Но из ответа Иисуса на слова Никодима становится ясно, что Он прекрасно понял, в чем трудность: если человек не позволит, чтобы его порождало то, что он признает, он не сможет увидеть Царствия Божия. То же условие мы находим в Евангелии от Матфея: «Истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное».²⁹

Проблема ясна: возможно ли возрождение «я», полное вовлечение человечности в динамику отношений с реальностью и с самими собой (которая в противном случае блокируется, подавляется, калечится)? Если христианство не действует на этом глубоком уровне жизни субъекта, это означает, что оно не является событием в жизни человека; если это событие, оно приносит нечто иное в источник нашего «я», что выражается, прежде всего, во взгляде, в способе отношения с реальностью. Здесь на карту ставится вся разумность, вся польза, все соответствие веры жизни человека. Если вера не производит изменение, способное затронуть корень нашего «я», она бесполезна.

Ответ Христа на вопрос Никодима ясен: человек не может родиться вновь самостоятельно, это невозможно; он может быть рожден вновь,

²⁸ Лк. 12, 54-56.

²⁹ Мф. 18, 3.

может быть рожден во второй раз только свыше, от Духа. И показательно, что в греческом тексте в этом отрывке все глаголы стоят в пассивной форме: быть рожденным – это дело Другого, это благодать.

Евангелие продолжает: «Никодим сказал Ему в ответ: как это может быть? Иисус отвечал и сказал ему: ты – учитель Израилев, и этого ли не знаешь? Истинно, истинно говорю тебе: Мы говорим о том, что знаем, и свидетельствуем о том, что видели, а вы свидетельства Нашего не принимаете; Если Я сказал вам о земном, и вы не верите, – как поверите, если буду говорить вам о небесном? Никто не восходил на небо, как только сшедший с небес Сын Человеческий, сущий на небесах; И как Моисей вознес змию в пустыне, так должно вознесену быть Сыну Человеческому, Дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную».³⁰ Здесь показывается в действии диалектика разума и свободы, сталкивающихся с личностью Христа. Нравственность показывается в земных делах, в знаках, чудесах, происходящих фактах, то есть в их позиции по отношению к словам или поступкам Иисуса, такой же позиции, как в отношении примет, которые указывают, что завтра будет дождь.

«Небесное» благодаря динамике Воплощения стало «земным», тем, к чему мы можем прикоснуться, как говорит святой Иоанн: «О том, что было от начала, что мы слышали, что видели своими очами, что рассматривали и что осязали руки наши, о Слове жизни, – Ибо жизнь явилась, и мы видели и свидетельствуем, и возвещаем вам сию вечную жизнь, которая была у Отца и явилась нам, – О том, что мы видели и слышали, возвещаем вам, чтобы и вы имели общение с нами; а наше общение – с Отцем и Сыном Его, Иисусом Христом».³¹ В действительности лишь один человек знает о небесном – это Тот, кто сошел с небес, Иисус. Следовательно, распознавание небесного происходит через позицию человека в отношении земных дел, каковыми являются знамения и слова Христа. Но к этому человек должен быть расположен: если он не родится от воды и Духа, возрождение невозможно. Здесь мы видим ясную отсылку к Крещению, в котором началось это возрождение для каждого из нас.

Но дело Духа не исчерпывается совершением Крещения и другими таинствами, а продолжает совершаться в жизни человека. Каким образом? На этот вопрос ясно ответил Иоанн Павел II на встрече со священниками Движения в 1985 году: «[Благодать таинства] обретает [...] силу выразительности, действенную форму, историческое влияние через раз-

³⁰ Ин. 3, 9-15.

³¹ Ин. 1, 1-3.

личные харизмы, характеризующие темперамент и личную историю». ³² Поэтому действие Духа продолжает достигать нас сегодня через харизму, через дела, которые Дух творит на наших глазах, постоянно бросая нам вызов. И именно через наш ответ на то, что Он совершает, мы можем понять, готовы ли мы следовать, готовы ли позволить Ему родить нас, воспитывать нас.

4. Человечность в действии

Столкновение человека с реальностью, – утверждает отец Джуссани, – вынуждает его открыть «жизненный опыт как потребность». ³³ Реальность побуждает проявиться во мне все потребности, составляющие меня: потребности в истине, справедливости, любви, счастье. Мы можем выразить эти потребности в одном великом вопросе: “*Quid animo satis?*” ³⁴ «Человек не сам наделил себя тягой к бесконечному и любовью ко всему бессмертному. Эти возвышенные чувства возникли не по его прихоти: их основание прочно покоится в самой человеческой природе; они существуют независимо от усилий людей. Эти чувства можно приглушить или изуродовать, но их нельзя уничтожить». ³⁵

И мы вновь можем сказать: если реальность обладает способностью пробуждать составляющие нас потребности, то никакая реальность не пробуждает и не выявляет их в такой степени, как христианский Факт. Отец Джуссани писал, что «человек снова обретает себя в живой встрече, то есть в присутствии [человека или группы людей], с которым он сталкивается и которое излучает привлекательность, [...] то есть напоминает о том факте, что наше сердце со всем, из чего оно состоит, есть, существует». ³⁶ Ничто другое в такой степени не вынуждает потребности, составляющие наше «я», проявиться, как встреча.

Христианство является событием, которое возрождает «я» в такой степени, то есть вынуждает проявиться все наши потребности, и это должно быть видно из того, каким образом мы строим отношение с реальностью;

³² Иоанн Павел II, «Выступление перед священниками, участвующими в Духовных Упражнениях, организованных *Comunione e Liberazione*», Кастель Гандольфо – Рим, 12 сентября 1985.

³³ Л. Джуссани, «Религиозное чувство», цит., стр. 131.

³⁴ «Чего будет достаточно для духа человеческого?» Ср. A. Gemelli, *Il Francescanesimo*, Edizioni O.R., Milano 1932, cap. XIII.

³⁵ А. Токвиль, «Демократия в Америке», «Прогресс», Москва, 1992, стр. 393.

³⁶ L. Giussani, *L'io rinasce in un incontro (1986-1987)*, op. cit., p. 182.

каждый из нас может проверить это, посмотрев, каким образом его затронули или не затронули те факты, которыми сейчас переполнены газеты и из-за которых Папа плакал в воскресенье во время его визита на Мальту. Все мы ощутили необходимость считаться с криком о справедливости в этой ситуации с педофилией, перед данными, которые продолжают появляться в газетах. Эта ситуация, как и дело Элуаны, получила широкую огласку, и никто не мог отстраниться от этого, мы были вынуждены реагировать, отвечать коллегам, или членам семьи, или нам самим. Волей-неволей жизнь заставляет проявиться все наши потребности, но в этот раз масштаб был еще более драматичен, поскольку включал в себя вызов вере. Каждый из нас может сказать, как он его принял. Тайна не избавила нас от этого обстоятельства; это факт, имеющий воспитательное значение. Многие из нас были обескуражены, если не растеряны. Один человек написал мне: «Я не могу этого вынести». Другой написал: «Столкнувшись со скандальной провокацией этой истории, мы каким-то образом ощутили искушение подстроиться под всеобщее возмущение, хотя, конечно, с самого начала понимали, насколько все это было намеренно спровоцировано». Жизнь бросает нам вызов! Для меня в первую очередь эта ситуация стала вызовом, который заставил меня работать; и я все больше радуюсь, что ни от чего не был избавлен и должен иметь дело с теми же проблемами, что и все остальные, потому что для меня это повод для проверки веры и для того, чтобы расти, принимая в расчет все происходящее. Результатом этого стала статья, опубликованная в итальянской газете *Repubblica*: я начал с признания, что «перед мучительнейшим фактором педофилии мы все как никогда испытали смятение. Смятение, вызванное нашей неспособностью ответить на потребность в справедливости, исходящую из глубины сердца. Требование ответственности, признание причиненного зла, порицание за совершенные в ведении этих дел ошибки – все кажется нам совершенно недостаточным перед этим морем зла. Кажется, ничего не хватает. [...] Все это помогает внимательно взглянуть на природу нашей потребности в справедливости. Она безгранична. Бездонна. Настолько же, насколько глубока рана. Ее невозможно исчерпать, настолько она бесконечна [это наша потребность в справедливости, такая же, как у остальных, и поэтому мы можем присоединиться к крику других людей]. [...] С этой точки зрения виновники насилия парадоксальным образом находятся перед тем же вызовом, что и жертвы: ничего недостаточно, чтобы исправить причиненное зло. Это не означает их избавления от ответственности и тем более от приговора суда».³⁷ Даже отбыть наказание будет недостаточно, как сказал

³⁷ Х. Каррон, «Раненные, обратимся ко Христу», «След», апрель 2010, стр. 40.

заклоченный из Падуи, Марино, который принимал участие в Крестном пути: «Платить не значит просто отбывать день за днем срок, длиной в жизнь, которая тебе осталась. Это значит жить с грузом на совести, который не уменьшается с течением времени, потому что он обновляется каждый день и преследует тебя по ночам [вот потребность в справедливости]. Что касается меня, я как будто никогда не один: у меня такое чувство, что я живу вместе с человеком, в убийстве которого я участвовал во время попытки грабежа». Все мы ощутили полную несоразмерность, полную неспособность перед потребностью в справедливости, которая пылала в нас, но кто принял во внимание ее бесконечность, то есть знак, которым является сам феномен потребности? Здесь мы видим иное использование разума – альтернативу между верностью исходной динамике разума в отношении реальности и предательством этой динамики, убийством человечности, нехваткой человечности.

Отец Джуссани предостерегает нас: «Взгляд на непрестанное взаимодействие сознания человека с реальностью, который бы блокировал динамику знака, ставил бы преграды на пути поиска, образующего суть человеческого опыта [обратите внимание, что он говорит], привел бы к убийству человечности, несправедливым образом тормозил бы порыв живого динамизма».³⁸ Блокирование, преграды, торможение: эти слова снова указывают на нехватку человечности. То есть, чтобы продолжить путь, нужно понять, в какой момент я блокирую себя, когда я останавливаюсь.

Почему мы останавливаемся? Почему ставим преграды перед неотложной необходимостью, потребностью? По двум причинам: или из-за предвзятости, умаляя потребность в справедливости до собственных мерок (потому что тогда – мало того, что можно продолжать обвинять единственного, кто действительно встречает эту проблему лицом к лицу, Папу, – можно также уклоняться от необходимости считаться с собственной неспособностью вершить настоящую справедливость), или из-за бессилия, то есть неспособности встретить лицом к лицу эту потребность (ощущая одиночество, которое есть не что иное, как эта неспособность встречать реальность лицом к лицу).

5. Современность Христа

Что в таком случае позволяет встречать лицом к лицу эту потребность, не отступая?

³⁸ Л. Джуссани, «Религиозное чувство», цит., стр. 134.

Ответом на этот вопрос служит свидетельство Папы через его письмо и его поступки. Но что позволило Папе считаться с потребностью в справедливости, которую он ощущал, приняв ее мужественно и решительно? «Именно его признание подлинной природы нашей потребности, нашей драмы – это единственный способ сохранить всю потребность в справедливости. «Потребность в справедливости – это вопрос, который отождествляется с человеком, с личностью. Без перспективы «свыше», без ответа, находящегося по ту сторону переживаемых экзистенциальных условий, справедливость невозможна... Если исключается гипотеза «свыше», эта потребность будет противоестественным образом задущена» (о. Джуссани). И как же Папа сохраняет ее? Взывая к Единственному, Кто может ее сохранить, Кто являет в этом мире иной мир: Христос, Тайна, ставшая плотью. «Он Сам был жертвой несправедливости и греха. Как и вы, Он по-прежнему носит раны Своего несправедливого мучения. Он понимает глубину ваших страданий и их длительное воздействие на вашу жизнь и ваши отношения с другими, включая ваши отношения с Церковью»³⁹.

Отец Джуссани прекрасно объясняет это: «Только божественное может «спасти» человека, то есть истинные и сущностные измерения личности человека и его судьбы может «сохранить», признать, провозгласить, защитить только Тот, Кто является ее окончательным смыслом»⁴⁰. Мы можем признать все наши потребности, не испытывая страха, только если Христос пребывает в настоящем как реальный опыт. Если правда, что «я» возрождается во встрече, тогда мы нуждаемся в современности Христа в настоящем, чтобы открыть, чтобы смотреть в лицо всей природе нашего «я». Метод все тот же: То, что всему предшествует, не только в начале, но и на каждом шаге пути. Если событие Христа, напротив, застыло в доктрине, сведено к этике или спиритуализму, оно больше не способно пробуждать человечность и, следовательно, не может выстоять перед истинными потребностями человека. Если бы у Папы не было этой страстной любви ко Христу, он не смог бы встретить лицом к лицу эту ситуацию, не поддавшись страху перед возможными последствиями. Он смог встретить ее, потому что он полон уверенности, потому что опирается на исключительное присутствие Христа, благодаря которому он смог так поступить. Мы сможем не избегать потребности в справедливости, всех потребностей нашего «я», не поддаваясь искушению свести их к образам, источником которых являются СМИ, если, как и он, будем опираться на полноту, если нас будет поддерживать присутствие Хри-

³⁹ Х. Каррон, «Раненные, обратимся ко Христу», цит., стр. 41.

⁴⁰ Л. Джуссани, «У истоков христианского притязания», цит., стр. 111.

ста. Переживать опыт Христа сейчас – сейчас! – очень важно для того, чтобы наша человечность могла дышать полной грудью. Это возможно только потому, что здесь действует Тайна. Только божественное может спасти человеческое. И это помогает нам понять соответствие веры жизненным потребностям. «И обращение ко Христу – это не поиск отговорки перед потребностью в справедливости, а единственный способ ее осуществить».⁴¹ Достаточно прочитать (это было в «Следе»), что написали заключенные из тюрьмы в Падуе, или посмотреть, как те, кто пострадал от несправедливости (вдова Колетта или Джемма Калабреззи), смогли посмотреть в лицо своей потребности в справедливости.

Парфразируя слова святого Павла, мы можем сказать, что после того, как произошло падение, действие дара благодати – это не просто восстановление справедливости, а прирост: «Закон же пришел после, и таким образом умножилось преступление. А когда умножился грех, стала преизобилывать благодать, Дабы, как грех царствовал к смерти, так и благодать воцарилась через праведность к жизни вечной Иисусом Христом, Господом нашим».⁴² Кто-то спросил меня: «Я уже десять дней перечитываю твою статью [в газете «Repubblica»] и пытаюсь понять, откуда рождается такое суждение». Ответ прост: это суждение рождается из следования харизме. У нас есть, за кем следовать, кто-то научил нас позволять фактам раскрывать нас, чтобы расширять разум. Я вижу, как во мне с каждым мгновением растет все более осознанная и глубокая благодарность отцу Джуссани. Бог сжалился над нами, позволив нам встретить его, потому что он дал нам свидетельство и предложил путь, и каждый может решить, идти по этому пути или нет.

Человек может родиться снова, будучи стар, только если он расположен позволить силе Духа, которая особым образом достигает нас через благодать харизмы, родить его, не умаляя харизму до своей меры или своего представления. В этом и состоит современность Христа нам, то единственное, что способно позволить нам жить в реальности как подобает людям; этот путь прервался в нашей европейской культуре много веков назад, потому что многие думали, что справятся сами, считая, что посредничество христианской традиции в обретении истины было чем-то внешним, что навязывало разуму ненужные отклонения (но сейчас у нас нет времени остановиться на этом подробнее).

Я хотел бы подчеркнуть два важных следствия.

⁴¹ Х. Каррон, «Раненные, обратимся ко Христу», цит., стр. 41.

⁴² Рим. 5, 20-21.

а) Потребность в справедливости и разумность веры

Я могу понять разумность веры только тогда, когда приму всерьез потребность в справедливости, всю целиком, потому что ответить на эту неограниченную потребность в справедливости может только Христос, а если эта потребность умалена, то Христос мне не нужен, потому что я могу вершить ее собственными руками (но потом, к сожалению, мы не способны смотреть в лицо жизненным трудностям...). Поэтому только тот, кто способен смотреть в лицо потребности в справедливости всей целиком и полностью, может понять соответствие веры жизненным потребностям, а тот, кто из-за страха или предвзятости умалает эту потребность, неизбежно начинает считать веру навязанной, не может увидеть, в чем ее экзистенциальная необходимость.

б) Культурное достоинство веры

Если мы не проделаем этого пути, у нас в обществе не будет иного, подлинного лица; мы будем как все, мы будем реагировать как все, в соответствии с теми же критериями, что и у всех: исходный менталитет имеет большее значение, чем менталитет, который рождается из произошедшей встречи, и это делает нас бесполезными и поверхностными, мы обречены исчезнуть во времени. Недавно кардинал Анджело Скола напомнил нам об убежденности Джуссани: «Итак, мне стало ясно, что традиция или вообще человеческий опыт могут бросать вызов истории, могут сохранять силу с течением времени только в той мере, в какой им удастся выражаться и передаваться через способы, обладающие культурным достоинством. Но это культурное достоинство достижимо только исходя из опыта субъекта, личностного и общинного, четко определенного в его идеальных свойствах, но находящегося внутри истории, который в простоте и без всяких затруднений предлагает себя человеку в силу своих внутренних свойств [а не власти]. Такой субъект не боится сравнения ни с чем».⁴³

Но для этого мы должны преодолеть дуализм, о котором говорит один из вас: «Вчера вечером мы с женой получили приглашение на ужин от друзей, которые начинают работать в той же сфере, что и я. Мы заговорили о работе. Я со своей стороны дал им кучу добрых советов. По дороге домой в машине моя жена подтвердила, что мои «технические советы» (как она назвала их) были правильными, но она заметила, что весь вечер мы оставались на поверхности, не затрагивая корни жизни. Все дело, – заметила моя жена, – было в том, что трудные обстоятельства на работе, на которые жаловались наши друзья, были поводом проверки их веры, но, кажется, за

⁴³ A. Scola, «La convenienza umana del cristianesimo», in *ilsussidiario.net*, 22 febbraio 2010.

столом никто этого не заметил. И когда моя жена произнесла слова «проверка верь», я как будто получил кулаком под дых, я ощутил отчужденность. Я сразу осознал, что она была права, но это чувство отчужденности, хотя оно и длилось всего лишь мгновение, ясно показало мне, что, в конечном счете, во мне господствует тот дуализм, о котором ты часто говорил в течение этих лет, и который всегда оставался для меня туманным понятием. Дуализм, который скрывается, быть может, под пеплом благочестия; дуализм, из-за которого произносятся молитвы в начале и в конце и, возможно, даже в течение дня, но, в конечном счете, вера остается волонтеризмом, и важно только то, что мне по силам совершить, а Бог остается на заднем плане. Я знаю, что эту работу мы должны были совершать уже много месяцев, но хочу опять попросить у тебя в этом помощи, не только для того, чтобы разобраться с этим вопросом, но и потому, что я вижу уверенность и радость моей жены и остальных друзей, и хочу быть таким же уверенным и радостным, и исток этого я осознаю в единстве, в привязанности к Христу, которой у меня нет».

В новом субъекте нет дуализма, потому что изменение касается того, как мы смотрим, воспринимаем, судим, ощущаем, обращаемся, обходимся с реальностью (личной, общественной, сферой культуры, политики), и поэтому затрагивает корень нашего «я». Вера, друзья, – это не приложение к тому способу восприятия реальности и отношения к ней, который используют все (который устанавливается средой, распространенной предвзятостью, модой). Вера это не то, что прибавляет чуть больше духовности и этики к уже сложившемуся воззрению на реальность, нет. Вера действительно становится основой нового, то есть истинного способа осознания самой реальности. Вот вызов, который стоит перед нами: формирование субъекта, который не боится сравнения ни с чем, потому что мы хотим именно этого. «Я хочу быть уверенным и радостным, как моя жена»: христианство передается через зависть, так было всегда.

Заключение: господствующее «Ты»

Следовательно, мы можем стать другими, подлинными, тогда, когда господствует некое «Ты», и это возможно, только если мы согласимся сместить центр нашей привязанности, что означает «сместить центр нашей привязанности с себя на «Ты», на «Ты» [на такое «Ты», которое действует в реальности и изумляет нас, призывает нас. Это совсем не спиритуализм!]. И это освобождает, наполняет тебя радостью [как сказал наш друг о своей жене], подобно как ребенок полон радости от того, что у

него есть мать: центр его привязанности – другой человек, и поэтому все в порядке, все в равновесии. А если мать уйдет, центром привязанности ребенка становится он сам, и его самосознание изменится: он плачет, он в отчаянии, он становится буйным, буйным в играх [или злится на себя самого]. Именно это я и хочу сказать: главный аспект – это реальное присутствие, потому что Христос воскрес». ⁴⁴

Именно к этому призывает нас отец Джуссани, свидетельствуя о том, Кто господствует в нем. «Чтобы понять, что такое предательство, мы должны подумать о нашей рассеянности, потому что это предательство проводить дни, недели, месяцы ... Вспомним вчерашний вечер, когда мы думали о Нем? Когда мы серьезно думали, со всем сердцем, в последний месяц, в последние три месяца, с октября до сегодняшнего дня? Никогда. Мы никогда о Нем не думали так, как думали о Нем Иоанн и Андрей, когда смотрели на Него говорящего. Если мы задавались вопросами о Нем, то это было любопытство, попытка анализа, поиска, прояснения. Но чтобы думать о Нем так, как человек, по-настоящему влюбленный, думает о человеке, в которого он влюблен (но даже это случается очень редко, потому что все построено на расчете!), влюблен чисто, абсолютно и совершенно бескорыстно, из чистого желания блага, так, что даже если другой не отвечает на любовь, в нем только сильнее возрастает это желание блага другому!» ⁴⁵ Понятно, почему он пишет, что «первым объектом любви человека является Иисус Христос». ⁴⁶

Я вижу, что это все чаще происходит среди нас. Это и есть движение: люди, в которых господствует «Ты» Христа. Наша компания наполнена свидетельствами людей, в которых господствует это «Ты»; возможно, они незаметны, но их множество, как я часто вижу, посещая наши общины. Один человек написал мне: «Начну с рассказа о том, что происходит в это время. Больше всего меня потрясает любовь Христа ко мне, Его взволнованность мной, которая возникает прежде моей взволнованности. Я не в состоянии свести на нет свои желания. Я прошу всего и принимаю все так, как решает Он. Сегодня нет никакого условия, которое определяло бы меня, – меня определяет Его добрый взгляд на меня, несмотря на болезнь моей жены или детей». Другая наша подруга пишет: «Мне кажется, что я заново родилась: я полна радости и нежности к себе, которой у меня никогда не было. Жизнь обрела насыщенность, которой я не ощу-

⁴⁴ L. Giussani, *Qui e ora*, BUR, Milano 2009, p. 80.

⁴⁵ Л. Джуссани, «Можно ли жить так?», Культурный центр «Духовная библиотека», Москва, 2007, стр. 288.

⁴⁶ Там же, стр. 297.

шала уже долгое время. Занятая множеством вещей, я просто не замечала Его присутствия, перестала ощущать взволнованность. Действительно, родиться снова, когда ты стар, возможно».

Именно под воздействием этой взволнованности человек может любить Христа в любых обстоятельствах, потому что без Христа обстоятельства невыносимы. Поэтому мы постоянно ощущаем неотложную потребность, жажду этого «Ты», о которой говорится в псалме: «Боже! Ты Бог мой, Тебя от ранней зари ищущу я; Тебя жаждет душа моя, по Тебе томится плоть моя в земле пустой, иссохшей и безводной».⁴⁷ Откуда эта жажда? Откуда это желание? Потому что «милость Твоя лучше, нежели жизнь», Христе. Именно об этом мы должны всегда просить Духа. Именно Дух постоянно являет присутствие Христа, позволяет нам признать Его, вынуждает нас желать Его, как Того, ради Кого стоит жить, вставать утром, идти на работу и рожать детей.

Veni Sancte Spiritus, veni per Mariam и пробуди в нас это желание Христа, чтобы мы могли все больше познавать Его, не как слова, а как опыт, без которого нам не жить; настолько иной становится жизнь – по интенсивности, как отношение к нам самим и реальности, к самым близким людям или незнакомцам; чтобы мы переживали все под воздействием этой взволнованности, под напором этой взволнованности, которую Ты, Дух Святой, даешь нам в любви Тайны! Ты есть любовь, которая излилась в наши сердца, чтобы таким образом мы смогли жить так: это иной мир в этом мире!

Псалом продолжает: «Так благословлю Тебя в жизни моей; во имя Твое вознесу руки мои».⁴⁸ Это переполняющая человека благодарность за новизну, которую принес Христос. Поэтому «я вспоминаю о Тебе на постели моей, размышляю о Тебе в ночные стражи. Ибо Ты помощь моя, и в тени крыл Твоих я возрадуюсь. К Тебе прилепилась душа моя; десница Твоя поддерживает меня».⁴⁹ Я прилепляюсь к Тебе с благодарностью: все теснее «прилеплай» меня к Себе, Христе! Именно это тесное соединение с Христом дает нам силу жить в реальности всем своим существом. Ты моя сила, а не я, моя сила – прилепиться к Тебе.

⁴⁷ Пс. 62, 2.

⁴⁸ Пс. 62, 5.

⁴⁹ Пс. 62, 7-9.

СВЯТАЯ МЕССА

Чтения: Деян. 9, 31-42; Пс. 115; Ин. 6, 60-69

ПРОПОВЕДЬ ЕГО ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕНСТВА КАРДИНАЛА АНДЖЕЛО СКОЛЫ, ПАТРИАРХА ВЕНЕЦИИ

1. *«Боже, верующих в Тебя Ты обновляешь в крещальной купели».* Так мы молились сегодня во вступительной молитве. В этих Духовных упражнениях, в которых различными способами участвуют члены Братства *Comunione e Liberazione* в разных странах мира, совершаемое нами празднование Евхаристии являет присутствие единственного и неповторимого спасительного события Иисуса Христа. Поскольку спасущее возрождение может произойти только в настоящем, возлюбленный Иисус Христос, присутствующий здесь и сейчас силой Своего Духа, возрождает, спасает именно меня, именно тебя здесь и сейчас. Это я, это ты возрожден, стал *«новым человеком, о котором Иисус говорил Никодиму, человеком, который рождается свыше: свыше, то есть от Другого!»* – утверждает отец Джуссани. И продолжает: *«Речь идет действительно о “восприятии (concezione)” себя, восприятии, рожденном из признания и принятия Другого как создающей меня привлекательности»* (ср. «Уверенные в чем-то великом», стр. 218).

Отец Джуссани пользуется тем, что слово *«concezione»* имеет двойное значение («восприятие», «концепция» и «зачатие» – прим. перев.): в Крещении, которое получил каждый из нас, человек зачинается снова как сын в Сыне, и этот момент становится для него, для крещеного человека, началом нового восприятия себя, самосознания. Бенедикт XVI дает этому факту такую краткую формулировку: *«“Я, но уже более не я”, – вот формула христианской жизни, основанной на Крещении, формула воскресения внутри времени [вот что такое христианское настоящее – “воскресение внутри времени”], формула, – настойчиво подчеркивает Бенедикт XVI, – христианской новизны, призванной преобразить мир»* (Речь на Национальном конгрессе Церкви Италии в Вероне, 19 октября 2006). *«Я, но уже более не я».*

Дорогие друзья, не знаю, как вам, но мне, несмотря на долгие годы христианского пути, трудно не почувствовать толчок, я бы даже сказал, сокрушительную силу воздействия на нас этих утверждений, укорененных в учении святого Павла, если только мы не погрязли в океане рассеянности, в которую мы обычно погружены, возможно даже сейчас, в этот момент.

В Крещении каждый человек зачинается как христианин. Но, особенно если он получил Крещение в детстве, как большая часть из нас, Кре-

щение расцветает в новое самосознание и восприятие жизни, когда для каждого из нас происходит личная встреча с Христом в Церкви.

Как сказал недавно отец Хулиан, эта встреча произошла благодаря благодати харизмы, которая придает убедительность нестираемой благодати Крещения и Церкви. Об этом точно высказался Папа Иоанн Павел II, и я процитирую его слова, которые мы только что слышали, потому что они очень важны: благодать таинства, – объективная, неизбежная, непрерывная, протекающая из таинства, из слова Божия, конечным гарантом которой является объективный авторитет Церкви, – эта постоянно действующая благодать таинства, – говорит Папа, – *«обретает силу выразительности, действенную форму, историческое влияние через различные харизмы, характеризующие темперамент и личную историю»* (*Выступление перед священниками, участвующими в Духовных Упражнениях, организованных Comunion e Liberazione*, 12 сентября 1985 года).

Это упражнение (я использую это слово так, как его использовал святой Игнатий в своих Духовных упражнениях) следует выполнять каждому из нас, каждому христианину: оживлять, тщательно сохранять в своей жизни момент и обстоятельства, в которых с нами произошла эта личная встреча, и постоянно вспоминать о ней, чтобы оставаться ей верным.

Все мы знаем, что благодать (это нужно и для таинства, и для харизмы), невозможно получить один раз навсегда, невозможно удержать ее в наших бессильных руках, как какую-то вещь и даже как гармонично выстроенное учение или набор выверенных норм поведения, ей невозможно владеть, как владеют вещью. Поэтому каждый из нас, здесь и сейчас, если в нем есть хоть капля подлинности, может узнать себя в Никодиме, колеблющемся между честностью и скептицизмом. Подумаем, как часто, пытаясь использовать наш разум, мы сталкиваемся с коварными собственными мерками: *«Как может человек родиться, будучи стар?»* (Ин. 3, 4); или спотыкается наша свобода, ленивая или просто капризная: *«Какие странные слова! кто может это слушать?»* (Ин. 6, 60). И когда мы попадаем в ловушку скептицизма разума и воли, реальность больше ничего не говорит нам, ускользает от нас, как луч света, если попытаться удержать его в наших обессиленных руках.

2. Кто избавит нас от этого жизненного уныния? Только *«свидетель верный»* (Откр. 3, 14). Так назван Иисус в Откровении. Он и те, кто следует за Ним – как смиренно поступаем и мы, – как следуют за Присутствием, которое становится центром привязанности всей жизни. Харизма живет в исторической встрече со свидетелем, в котором сияет новизна Воскресшего. Таким образом человек получает возможность воз-родиться, как

физически произошло, благодаря свидетелю Петру, в истории Тавифы, Серны, воскресенной девушки, в той истории, которую мы слышали в первом чтении.

Но нужно спасти великое слово «свидетельство» от всякого моралистического умаления, оно не должно ограничиваться просто хорошим примером, хотя и он необходим. Свидетельство должно быть во всей своей силе методом познания истины, потому что именно так подобает «я» строить отношения с реальностью. Метод познания истины есть свидетельство, потому что именно таким образом истина сообщает себя, и мы прекрасно знаем из собственного опыта, что истина познается только тогда, когда она передается. Крещальное воз-рождение делает возможной встречу всего «я» со всей реальностью, потому что оно открывает и сопровождает свободу к тому благому отношению, которое есть общение с Другим (с большой буквы); к тому общению, которое обещал нам Христос, и – в Нем – к общению со всеми братьями; к общению со Христом и в Нем – с братьями. Христианство действительно есть новое родство, которое сильнее уз плоти и крови.

Но это общение в такой степени есть «свыше» и в такой степени есть дар, что мы сопротивляемся ему тысячью способами. Следовательно, рано или поздно все мы, здесь собравшиеся, услышим обращенный к нам провокационный вопрос Иисуса из Евангелия: *«Не хотите ли и вы отойти?»* Тот факт, что мы приехали сюда, совершив значительную жертву, на первый взгляд мог бы избавить нас от этого вопроса, но это было бы высшей несправедливостью в отношении нашей нашей чувствительности к разуму, стремящемуся к полноте. Чтобы харизма жила спустя пять лет после смерти отца Джуссани, нужны свидетели, стремящиеся к законченной человечности. Харизма неотступно побуждает свободу каждого члена *Comunione e Liberazione* к тому, чтобы она, как свобода Симона Петра, проверила на себе, что следование нам соответствует: нам соответствует принадлежать Христу и Церкви в форме, родившейся из харизмы отца Джуссани, из Движения *Comunione e Liberazione*. В чем заключалась эта проверка для Петра? Евангелие представляет ее нам во всей обезоруживающей очевидной силе: *«Господи! к кому нам идти? Ты имеешь глаголы вечной жизни, и мы уверовали и познали, что Ты Христос, Сын Бога живого»* (Ин. 6, 68-69).

3. Как возможно верить и признавать Христа Спасителем, то есть возрождаться свыше, от Всевышнего, современному человеку эпохи постмодернизма, терзаемому соблазном искать спасение в поразительных открытиях технических наук в области эволюции, биологии, неврологии, нередко считающему, что вера может дать, самое большое, субъективное утешение?

Единственным условием, даже в настоящий исторический момент, остается встреча со свидетелями искупленной и поэтому полной и соответствующей, – а, следовательно, крепко укоренной в постмодернизме – человечности. Но здесь требуется однозначность.

Быть искупленными людьми не означает быть непогрешимыми, что было бы чудовищной самонадеянностью, – это означает, как утверждал святой Августин, «любить новую жизнь», жить так, как хочет Христос, поддерживать в себе «мысль Христа», то есть думать, как Христос, и вспоминать Христа через все вещи, потому что мы любимы Тем, кто первый возлюбил нас: *«Deus prior dilexit nos»*. Августин говорит: *«Мы не любим, если только прежде мы не любимы... Попробуй, – говорит он своему собеседнику, – понять, почему человек любит Бога, и найдешь только одну причину: потому что Бог первым возлюбил его»* (Речь 34, 1-3;5-6).

Понятно ли это тебе? Является ли эта данность, что *Deus prior dilexit te*, что Он первым возлюбил тебя, твоим ежедневным опытом? Является ли это горизонтом твоего сознания?

Такого верного свидетеля можно узнать благодаря единству его личности. Единство – это ценность, на которой основан исходный опыт «я». Но единство «я» выражается в добрых отношениях. Начиная с первичных отношений с мамой и папой и охватывая, наконец, все отношения, в которых «я» воз-рождается; каждый раз, даже после падения и крушения, открывая, что благой замысел любящего и верного Бога не иссякает, что Он не перестает отвечать на обещание завершения, к которому ты должен постоянно возвращаться; «я», пробужденное встречей с Христом в компании. Это феномен авторитетности, проявления святости, который не может быть долговечным и никогда не будет долговечным без законно установленного авторитета. Законно установленный авторитет – это человеческая фигура, с помощью которой можно уверенно следовать *«замыслу Духа Божия в истории и нашей жизни»* (отец Джуссани, *«Из какого образа жизни рождается Comunion e Liberazione»*).

Единство «я», единство Церкви, ведомой преемником Петра и преемниками апостолов. И единство с тем, кому в нашей компании по призыванию, компании, рожденной из харизмы, в которой она участвует, была дана объективная ответственность направлять ее. То есть единство не внешнее, не наружное, не формальная почтительность, даже с благими намерениями (потому что очевидно, что разделение никогда не будет источником плодотворности), но единство, проживаемое как непрерывная и доблестная привычка, исходя из твоего сердца, твоего ума, твоих поступков. Это единство, начинающееся с «я» и достигающее всех цер-

ковных и, по возможности, общественных и гражданских форм, сообщает и являет, прежде всего, новизну искупленного человека и обеспечивает продолжение Церкви в истории и всякой харизмы – в Церкви. Именно поэтому единство никогда (никогда!) не страшится исправлений, потому что ничто не может затронуть тот факт, что единство, поскольку оно даровано свыше, всегда предшествует нам, призывая нас.

4. «*Что воздам Господу за все благодеяния Его ко мне?*» – повторяли мы припев ответного псалма. Как можно не смотреть на зрелище этого великого собрания, в котором участвуют многие тысячи и тысячи людей по всему миру, как не смотреть на него в свете великого дара, великого благодеяния, оказанного нам Господом? Что же воздам я Господу, что же воздадим мы? Предпочтение в отношении тебя, в отношении каждого из нас, выказанное Господом через дар веры; Крещение и участие в харизме отца Джуссани – все это обостряет наше осознание и разжигает страстную любовь, которая, как свидетельствуют Деяния апостолов, повела их по дорогам мира. В этой связи очень важно не забывать деталь из первого чтения, которая только кажется незначительной. Описывая жизнь и миссию Петра, книга Деяний говорит: «*Случилось, что Петр, обходя всех...*».

Эти слова – «*обходя всех*» – выражают горизонт и подлинную природу миссии Церкви и каждого из нас. Нет никакого обстоятельства, благоприятного или неблагоприятного, никакой ситуации (или отношения) в христианской жизни, которые были бы чужды дару Воскресшего. Ничего и никого: «*все ваше; вы же – Христовы, а Христос – Божий*» (1 Кор. 3, 22-23). Поэтому для миссии требуется быть открытым навстречу всей реальности, и она налагает на каждого из нас совершенно определенную личную ответственность. Никто не может заменить нас в исполнении этой задачи: от тебя требуется, от нас требуется, чтобы мы, будучи снова зачаты и постоянно возрождаемы в Духе, приняли личные и общинные обстоятельства нашего призвания, неизменно конкретные и включенные в определенный исторический момент, благоприятные или враждебные, состоящие из времени и пространства, жизненного положения, привязанностей, работы и отдыха, радостей и боли, страданий, горя, смерти, перспективы вечности, надежды и сложных проблем. Все, все ваше, чтобы дать подтверждение, что человеку в высшей степени соответствует прожить всю жизнь «в Христе», как Павел определяет христианина: этот тот, кто живет в Христе. Миссия происходит в любой момент в любом месте, и ее никогда невозможно будет представить как механическое повторение формул или начинаний. Задумайся как следует, друг мой: жизнь дана была тебе, чтобы ты ее отдал. Если ты не отдаешь ее, время украдет ее у тебя.

Единство и миссия – это выражение благодарности Господу и тем, кто раньше нас начал следовать за Ним и сопровождал нас на этом пути. Особенно нашему дорогому отцу Джуссани.

5. Вверяем Деве Марии, *Mater Ecclesiae*, наш путь, будущее, полное несокрушимой надежды каждого из участников Упражнений Братства *Comunione e Liberazione* и всего Движения. Она – мать верующих, «воскрешенных», искупленных, потому что ее «да» – это источник преобразенного мира, сфера жизни людей свободных, свободных потому, что они постоянно вновь получают освобождение свыше. Аминь.

ПЕРЕД БЛАГОСЛОВЕНИЕМ

Хулиан Каррон. Ваше Высокопреосвященство, позвольте сердечно поблагодарить Вас от имени всех нас за решение участвовать вместе с нами в этих Духовных Упражнениях. Нас всегда наполняет изумлением Ваше свидетельство заботливого пастыря доверенного Вам народа и Ваше мужество и разумность в следовании за Папой. Как мы могли еще раз убедиться сегодня утром, Вы являетесь для нас ярчайшим знаком того, что харизма отца Джуссани – это живительная сила для всей Церкви и источник постоянно новой человечности. Поэтому мы благодарим Вас и просим Вас всегда сохранять дружбу с нами. Спасибо.

Кардинал Скола. Это я хочу повторить слова благодарности вам всем, отцу Хулиану, тем, с кем меня связывают тесные узы любви к отцу Джуссани, которые все больше оживают с течением времени. Так мы и должны жить в нашу эпоху постмодернизма. Это эпоха терзаний – вот самое точное выражение, – а не кризиса: разговоры о кризисе выливаются в жалобы, парализующие нас; терзания – это труды, которые предвосхищают жизнь, предвосхищают радость жизни.

Мне кажется, что отец Джуссани с самого начала, с 1954 года, смотрел на эпоху именно так, отправляя нас в мир в Христе, ради Христа и со Христом, а не с нашими силами; нас, смиренных, но отважных. Примем нашу эпоху как его дети, но прежде всего как дети Божии, как люди, которые знают, что каждый день должны взывать о том, чтобы вновь родиться свыше.

Мы являемся свидетелями в конкретном сплетении повседневных событий, следуя харизме во всей ее силе, следуя Папе как гаранту того, что харизма живет в организме Церкви и соединенных с ним епископов; жертвуя, миг за мигом, нашу жизнь ради славы человечности Иисуса Христа.

Суббота 24 апреля, день

При входе и выходе:

Франц Шуберт, Струнный квартет ре минор, D 810, "Смерть и девочка"

Amadeus Quartet

"Spirto Gentil" n. 7, Deutsche Grammophon

■ ВТОРОЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ

Хулиан Каррон

«Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство небесное» (Мф. 5, 3)

Мы пытаемся описать нехватку человечности, чтобы у нас получилось победить разрыв между знанием и верой. До сих пор мы говорили о факторе разума, сознания. А теперь мы должны рассмотреть другой важный для определения человека фактор – свободу.

1. Через свободу: человеческая целостность

«Как существо свободное, человек не может достичь своей полноты, не может достичь своей судьбы иначе как благодаря своей свободе [...]. Если бы я был приведен к моей судьбе, лишенный свободы, то я не мог бы быть счастливым, это не было бы моим счастьем, это не было бы моей судьбой».⁵⁰ Какое необыкновенное превознесение «я»! Перед лицом постоянно подстерегающего нас искушения «изобрести системы столь совершенные, что при них никому не надо быть добрым»,⁵¹ как говорит Элиот, Джуссани немислимым образом подчеркивает вовлеченность «я». Он делает это по той же причине, о которой много веков назад говорил Платон в одном из своих диалогов: ««А что приобретает тот, чьим уделом окажется благо?» – спросила она. «На это, – сказал я, – ответить легче. Он будет счастливым». «Правильно, счастливые счастливы потому, что обладают благом, – подтвердила она. – А спрашивать, почему хочет

⁵⁰ Л. Джуссани, «Религиозное чувство», цит., стр. 140.

⁵¹ Т.С. Элиот, «Камень».

быть счастливым тот, кто хочет им быть, незачем. Твоим ответом вопрос, по-видимому, исчерпан». «Ты права», – согласился я. «Ну, а это желание и эта любовь присущи, по-твоему, всем людям, и всегда ли они желают себе блага, по-твоему?» «Да, – отвечал я. – Это присуще всем».⁵² Всем людям свойственно желание обладать благами, желание, чтобы они принадлежали ему. Но чтобы достичь их, нужно любить, нужно прирастать, то есть вовлекать нашу свободу, а этого мы зачастую хотим избежать, как всем нам прекрасно известно. Нас постоянно подстерегает это искушение. Луиза Мураро пишет: «Мы постоянно хотим переложить на кого-нибудь ответственность за нашу жизнь. Мы без труда находим, кому бы сказать: «Пожалуйста, займись сам моей жизнью»».⁵³ И будьте уверены, что всегда найдется такой «человеколюбец», который готов ей заняться...

Если кто-то захочет, чтобы другой человек, будь это духовный наставник, или ответственный, или друг – все равно, избавил его от свободы, он должен ясно осознавать, что не станет счастливым, что ничто никогда не станет принадлежать ему, потому что человек не может достичь завершения, кроме как через свою свободу, иначе он никогда не ощутит это своим. И если человек этого не понимает (как часто я вижу, что мы этого не понимаем, к сожалению), он всегда будет стараться переложить драму своей свободы на другого. Именно от этого груза хочет избавиться Великий Инквизитор в знаменитой легенде Достоевского, обвиняя Христа за дар свободы: «Вместо того чтоб овладеть людскою свободой, Ты умножил ее и обременил ее мучениями душевное царство человека вовеки. Ты возжелал свободной любви человека, чтобы свободно пошел он за Тобою, прельщенный и плененный Тобою. Вместо твердого древнего закона – свободным сердцем должен был человек решать впредь сам, что добро и что зло, имея лишь в руководстве Твой образ пред собою, – но неужели Ты не подумал, что он отвергнет же наконец и оспорит даже и Твой образ и Твою правду, если его угнетут таким страшным бременем, как свобода выбора?».⁵⁴ Великий Инквизитор, любой Великий Инквизитор, хочет избавить нас от этого груза. Его планом будет избавить человека от этого неподъемного груза, заменив свободу авторитетом. Таким образом, человечество превратится в счастливое стадо, и ценой счастья будет свобода. Но я никогда не смогу ощутить, что это счастье – мое!

Иногда мы освобождаемся от этого груза и от стесняющей нас ответственности, перекладывая вину на все вокруг (обстоятельства, других

⁵² Платон, «Пир», 204E-205A.

⁵³ L. Mugaro e A. Sbrigiò, (a cura di), *Il posto vuoto di Dio*, Marietti, Milano 2006, p. 25.

⁵⁴ Ф.М. Достоевский, «Братья Карамазовы».

людей, компанию, Братство, кого угодно), но это бесполезно, потому что – меня всегда поражали эти слова отца Джуссани – «ни одно из человеческих изобретений не может быть приписано исключительно внешним обстоятельствам, ведь свобода человека, даже если она ослаблена [первородным грехом] остается неизгладимым признаком Божьего творения».⁵⁵ Как трогательно это заявление о человеке, не сведенном к какому-либо предшествующему фактору: биологическому, психологическому, социологическому, какому угодно! Свобода человека, хотя она ослаблена, остается неизгладимым признаком Божьего творения – в этом наше человеческое достоинство! «Именно через мою свободу судьба, цель, конечный объект могут стать мне ответом [так что если я не иду на риск и с помощью своей свободы не проверяю то, что я встретил, то не могу увидеть, мне ли адресован этот ответ, я не могу прикоснуться к нему, пережить на опыте, что этот ответ адресован мне; а если я не переживу этого на опыте непосредственно, тогда то, что мне предлагается, никогда не станет моим, останется мне чужим. Не то что я буду ставить это под сомнение, не то что я не буду этому верить, но это не будет моим]. Самореализация человека не была бы человеческой, и это не было бы самореализацией человека, если бы человек не был свободен».⁵⁶ Мы опять видим все знаки, которые позволяют понять, когда нам недостает человечности.

«Так вот, если достижение судьбы, самореализации должно быть свободным, то свобода должна принимать участие и в ее *открытии*. Открытие моей судьбы, конечного смысла не было бы моим, если бы происходило автоматически. Судьба – это нечто, за что человек несет ответственность; человек несет ответственность за то, каким образом он достигает своей судьбы, – это плод его свободы. Следовательно, свобода связана не только с путем к Богу, как последовательность жизни, но уже с самим открытием Бога».⁵⁷ То есть мы думаем, что свобода начинает действовать только тогда, когда разум уже открыл Его, – не в процессе открытия, не в процессе познания, а только тогда, когда требуется последовательность в отношении Того, Кого я познал. Однако (и это очень важно), если в познании не участвуют одновременно разум и свобода, это не познание. Как мы хотим достичь судьбы без участия свободы, точно так же мы хотим, чтобы свободу не нужно было привлекать для познания.

В этом смысле мы очень современные люди. Современность стремится к такому уверенному познанию и думает, будто его можно достичь

⁵⁵ Л. Джуссани, «Зачем Церковь», цит., стр. 42.

⁵⁶ Л. Джуссани, «Религиозное чувство», цит., стр. 140.

⁵⁷ Там же, стр. 140-141.

лишь ценой устранения свободы. Поэтому существует этот разрыв между разумом и свободой в процессе познания, и «люди современные» никак не могут совместить разум и свободу. Мы тоже часто думаем, что если на сцену выступит свобода, будет невозможно достичь умеренного познания. Чтобы быть надежным, – думаем мы, – познание должно избавиться от влияния свободы. Мы питаем иллюзии, что можем познавать, не вовлекаясь в процесс познания, отстраняясь от него, выступая в роли судей. «Если отношение к реальности обуславливает ее познание, и даже, в определенной степени, ее реальное присутствие, так происходит потому, что человеческая свобода проявляется в этом, как и везде [...], имея возможность сказать «да» или «нет» при столкновении с ней».⁵⁸ Так что св. Григорий Нисский сказал: «Если человек отстает в сторону свободу, он в одно мгновение утрачивает дар разума».⁵⁹ Это то, чему нас всегда учил отец Джуссани: «Есть много ученых, открывших для себя Бога в процессе своего углубленного научного поиска; и есть много ученых, которые в процессе научного поиска уверовали в то, что избежали или устранили Бога. Есть много писателей, которые через глубокое восприятие человеческого существования открыли Бога; и есть много писателей, в результате изучения человеческого опыта избежавших Бога или устранивших Его. Есть много философов, пришедших к Богу вследствие своих философских раздумий; и есть много философов, в результате своих раздумий исключивших Бога. Следовательно, признание Бога – это проблема не науки, не эстетической восприимчивости, и даже не философии как таковой. И это также проблема свободы. Это признавал один из виднейших неомарксистских философов Альтюссер, когда он говорил, что альтернатива между признанием существования Бога и марксизмом – это не вопрос разума, но вопрос свободного выбора».⁶⁰ Без участия свободы нет познания, поскольку, как сказал Бердяев, «познание не есть только интеллектуальный процесс, в нем действуют все силы человека, волевое избрание, притяжение и отталкивание от Истины».⁶¹

Какое свидетельство величия вновь дает нам отец Джуссани, не отбрасывая ни один аспект, или составной фактор «я» (разум и свободу), не утверждая только один или другой, не взаимоисключая их, но стараясь показать связь между ними: как только мы исключаем один или другой фактор, познания больше нет!

⁵⁸ M. Zambrano, *Per l'amore e per la libertà*, Marietti, Milano 2008, p. 153.

⁵⁹ Григорий Нисский, *Большой катехизис*.

⁶⁰ Л. Джуссани, «Религиозное чувство», цит., стр. 141.

⁶¹ Н. Бердяев, «Царство Духа и Царство Кесаря».

Но тогда возникает вопрос, который нам придется разрешить: если дело не только в разуме, но и в свободном выборе, получается, что любой выбор свободы равным образом является истинным? Это вопрос чисто-го произвола? Получается, что любой свободный выбор равным образом разумен? Выходит, что нужно забыть или исключить все, что мы до сих пор сказали о разуме?

Здесь возникает проблема отношения свободы и разума в процессе познания. Приведу банальный пример, который я использовал, когда жил в Испании и преподавал в лицее. Представьте, что два человека видят, как парень дарит своей девушке подарок ценой в один евро (в некоторых магазинах есть отделы, где все продается за один евро). Первый человек говорит другому: «Вот скупердяй! Один евро! Вот как он ее любит! Один евро!». А второй наблюдатель отвечает: «Ты ничего не понимаешь, потому что через этот подарок, хотя он и стоит один евро, происходит нечто большее: парень говорит девушке, как он ее любит. Цена не имеет значения». Но первый не отступает: «Да перестань! Мы видели эту штуку в магазине, она стоила один евро. Вот что важно. А все остальное – твои домыслы». Какой выбор наилучшим образом учитывает все факторы, проявляющиеся в этом поступке? Кто лучше его понимает: тот, кто говорит, что это один евро (хотя это и правда), или тот, кто, признавая скромность подарка, открывает, что происходит нечто большее? Видите, что свобода принимает участие в открытии и что есть выбор? Но если бы мы спросили прямо у влюбленных, какое из двух объяснений лучше описывает происходящее, сказали бы они, что оба объяснения равнозначны? Или же только одно из объяснений описывает то, что действительно происходит между ними? Конечно, это проблема выбора. Но один выбор разумен, а другой – нет, один исчерпывающе объясняет происходящее, а другой противоречит его природе. Если я не согласен расширять разум, чтобы понять до конца значение фактов, мой выбор будет противоречить очевидности происходящего, и я не смогу его постичь (и действительно, не все толкования правильно объясняют происходящее). Поэтому свобода действует не только в конце, но уже с самого начала познания.

Точно это же отец Джуссани говорит в своем примере о полутьме: «Если в полутьме вы встанете спиной к источнику света, то воскликнете: «Все – ничто, все – тьма и лишено смысла!». Если же вы обратитесь к источнику света лицом, то скажете: «Мир – преддверие света, начало света». Та позиция, которую вы займете, – исключительно вопрос свободного выбора. Верно, однако, что вся проблема – не в этом. Из двух возможных решений – встать спиной к свету и сказать: «Все есть тьма» или обратиться к свету лицом и сказать: «Мы в преддверии света», – из этих

двух решений одно верно, а другое нет. Одно из этих решений не принимает во внимание некоего фактора, пусть едва заметного: действительно, если есть полутьма, то есть и свет». ⁶² Один выбор соответствует природе и подчеркивает разум, второй – противоречит природе и затемняет разум. Выбор имеет решающее значение.

Динамика, действующая в отношении всей реальности, с еще большим основанием действует в отношении христианского события, которое бросает свободе еще больший вызов из-за своей грандиозности и исключительности. Но не всякое решение свободы будет равным образом разумным. «Однажды изгнал Он беса, который был нем; и когда бес вышел, немой стал говорить, и народ удивился. Некоторые же из них говорили: Он изгоняет бесов силою веельзевула, князя бесовского. А другие, искушая, требовали от Него знамения с неба. Но Он, зная помышления их, сказал им: всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет, и дом, разделившийся сам в себе, падет. Если же и сатана разделится сам в себе, то как устоит царство его? а вы говорите, что Я силою веельзевула изгоняю бесов. И если Я силою веельзевула изгоняю бесов, то сыновья ваши чьею силою изгоняют их? Посему они будут вам судьями. Если же Я перстом Божиим изгоняю бесов, то, конечно, достигло до вас Царствие Божие». ⁶³ Про знаки, которые Бог творит перед нами, можно сказать то же, что и про подарок из нашего примера! И все мы знаем, что это не просто произошло в прошлом, – это происходит сегодня, сейчас, в отношении таких же знаков, которые Тайна совершает среди нас: одни дают объяснение х, другие – объяснение у. Но, каким бы ни было объяснение, демонов Иисус изгонял; каким бы ни было истолкование, вопрос в том, что не возникло бы никаких споров, если бы Христос не сотворил этих чудес. Поэтому годится не всякое истолкование, а только такое, которое исчерпывающим образом учитывает этот факт. Действительно, в Евангелии от Иоанна Иисус открыто упрекает их: «Если бы Я не сотворил между ними дел, каких никто другой не делал, то не имели бы греха; а теперь и видели, и возненавидели и Меня и Отца Моего. Но да сбудется слово, написанное в законе их: *возненавидели Меня напрасно*». ⁶⁴ То есть они сделали выбор, противоречащий разуму, так как видели знаки, но не узнали Его. Понимаете теперь, что значат слова: драма свободы разыгрывается сейчас?

Но тут отец Джуссани выдвигает гениальное утверждение, в которое поначалу почти невозможно поверить: «Действительно, человек, будучи

⁶² Л. Джуссани, «Религиозное чувство», цит., стр. 141.

⁶³ Лк. 11, 14-20.

⁶⁴ Ин. 15, 24-25.

свободным, утверждает то, что уже решил в глубине души изначально»,⁶⁵ то есть он принял решение еще до того, как начал этот путь; пусть потом мне встретятся какие угодно знаки, но я решил, что не позволю им поразить меня. Когда я впервые прочитал эти слова, то подумал: «Это уж слишком!». А потом однажды это произошло в моей жизни, когда я вел занятие. Я собирался рассказать про Евангелия и написал на доске слово «Евангелия». Я повернулся, и тут один ученик сказал: «Вы же не думаете, что Евангелия помогут нам узнать об Иисусе, ведь их написали христиане! Какое же истинное и объективное знание они могут дать нам?». Тогда я спросил его: «То есть, по-твоему, самая адекватная позиция, сокрытая в глубине души отправная точка в отношении реальности, – это подозрительность?». «Конечно, подозрительность. Это так очевидно... Вы же не думаете, что я дурак». «Тогда, если следовать твоей логике, когда сегодня утром твоя мама дала тебе за завтраком чашку кофе, ты сказал: «Я не буду пить, пока не проведу химический анализ и не удостоверюсь, что в этом кофе нет яда»?». Я до сих пор помню реакцию этого парня: рассердившись и размахивая руками, он ответил: «Я шестнадцать лет живу со своей мамой!». «Ага, значит, не всегда разумно начинать с подозрительности. В чем же разница между твоей реакцией на слово «Евангелия» и на чашку кофе, которую мама принесла тебе сегодня утром?». Но больше всего меня впечатлила вторая часть истории. Через две недели, когда он уже забыл о случившемся, я читал отрывок из Евангелия, чтобы дать ученикам представление о том, как проходил обычный день жизни апостолов и Христа: Иисус идет в синагогу и начинает учить. И все приходят в изумление, потому что Он учил их как власть имеющий, а не как книжники. Потом Он исцеляет одержимого нечистым духом, потом идет в дом Петра и исцеляет его тещу. Вечером Он исцеляет многих, страдающих разными болезнями, а на следующий день рано утром встает и идет молиться. В конце я предложил своим студентам представить, что должны были чувствовать люди, которые следовали за Иисусом несколько дней, недель, месяцев и проживали вместе с Ним дни, похожие на этот. Я спросил: «Если бы вы оказались там, что бы вы почувствовали?». И первым ответил тот же самый парень. Знаете, что он сказал мне? «Я был бы осторожен, чтобы мне не заморочили голову». Тогда я сказал ему: «Ты отдаешь себе отчет, что две недели назад произнес то же самое?». Он этого не понял, он обомлел, просто обомлел. Этот парень был подозрителен по отношению ко всему; что бы ни случилось, вновь проявлялась присущая ему в отношении с реальностью подозрительность. В глубине

⁶⁵ Л. Джуссани, «Религиозное чувство», цит., стр. 142.

души он уже все решил с самого начала. Вот почему отец Джуссани прав, утверждая, что «свобода проявляется не столько в громких поступках, сколько в первых тончайших сумерках столкновения сознания с миром [то есть в столкновении с реальностью]».⁶⁶

Поэтому на меня с того момента, как я впервые его услышал, производит большое впечатление один рассказ Эльзы Моранте: «Однажды на рассвете одного эсэсовца вели на расстрел за его преступления. Ему оставалось шагов пятьдесят до места казни, которая должна была произойти в тюремном дворе. По пути его взгляд случайно упал на дырявый забор, на котором вырос маленький цветочек, из тех, что сеет ветер, что вырастают, где придется, и питаются, кажется, воздухом и трухой. Это был жалкий цветочек: четыре фиолетовых лепестка и пара листочков. Но в первых лучах восходящего солнца, в этом сиянии, эсэсовец увидел в нем всю красоту и счастье вселенной и подумал: «Если бы я мог вернуться назад и остановить время, я был бы готов провести всю свою жизнь в благоговении перед этим цветочком». И вдруг, как бы раздвоившись, он услышал внутри себя собственный голос, радостный, чистый, но далекий, доносящийся неизвестно откуда, который кричал: «Истинно говорю тебе: за эту последнюю мысль на пороге смерти ты будешь спасен от ада». Мой рассказ сейчас занял некоторое время, но тогда все произошло за полсекунды. Расстояние от эсэсовца, продолжавшего путь в сопровождении конвоиров, до цветка на стене осталось таким же – примерно один шаг. «Нет! – закричал про себя эсэсовец, в ярости повернувшись назад. – Я на эту удочку не попадусь!». И так как его руки были связаны, он вырвал этот цветок зубами, бросил на землю, растоптал и плюнул на него».⁶⁷

Эта драма разыгрывается в первых тончайших сумерках в одно мгновение: «И вот альтернатива, которая предстает перед человеком *почти* неощутимо для него самого: либо ты распахиваешься перед реальностью, глядя на все широко раскрытыми глазами, как ребенок, честно, называя белое белым, а черное черным, и тогда ты охватываешь все ее присутствие [так, как она тебе дана], принимая также ее смысл; либо ты встаешь перед реальностью, защищаясь от нее, как бы закрывая лицо локтем, чтобы избежать неприятных и неожиданных ударов, призывая реальность на суд своего мнения, и тогда в реальности ты ищешь и допускаешь только то, что тебе созвучно, ты потенциально полон возражений по отношению к ней, слишком искушен, чтобы принять ее очевидность [не непонятные моменты, а очевидность] и самые бескорыстные и пораз-

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ E. Morante, *La Storia*, Einaudi, Torino 1974, pp. 604-605.

ительные подсказки [когда мы замечаем это в себе в действии, это на самом деле вызывает жалость: люди, настаивающие на том, что фактов не существует, не потому, что их действительно не существует, а потому, что они не расположены признать их]. Это глубинный выбор, совершаемый нами ежедневно, идет ли речь о дожде или солнце, о нашем отце и матери, о завтраке, о трамвае и о людях, в нем едущих, о коллегах по работе, о школьных учебниках, о преподавателях, о любимом юноше, о любимой девушке [каждый может добавить свое]. Описанный мной выбор совершается при столкновении с реальностью во всех ее проявлениях. Ясно, где в этом решении разумность, человеческая целостность [человеческая целостность!]: в том, что открыто [когда нет открытости, начинается нехватка человечности] и называет белое белым, а черное черным. *Ничу* духом тот, кому перед лицом реальности нечего защищать». ⁶⁸

Эти главы «Религиозного чувства» производят большое впечатление, если перечитать их изнутри нашего отношения к фактам, к присутствию, к свидетелям, которых Господь дает нам. А если это настолько важно для того, чтобы мы смогли быть рожденными снова, то, – поскольку мы не можем совершить этого сами, но должны быть рождены посредством того, что Другой совершает в настоящем, в «земных» делах, – если мы не расположены, в нас никогда не сможет произойти такое перерождение; не потому, что оно невозможно, а потому, что мы не расположены, потому что нам не хватает человечности (поскольку человеческая целостность – в том, что открыто).

Отец Джуссани продолжает: «Если ты «нравствен», то есть если ты сохранил исходное положение, в котором тебя создал Бог, то есть ты открыт реальности, тогда ты понимаешь или по крайней мере ищешь, то есть спрашиваешь. Если же, напротив, ты отказался от этой изначальной позиции, то есть если ты [и снова – нехватка человечности] испорчен, неестественен, в плену у предрассудков, тогда ты «безнравствен» – и не способен понять [последствия не в том, что ты попадешь в ад или поступишь непоследовательно, нет – ты не способен понять!]. Именно в этом – высшая драматичность человеческой жизни». ⁶⁹ В этой позиции перед реальностью на карту ставится все; если мы не сами пробуждаем, возрождаем себя, если мы должны согласиться, чтобы Другой родил нас, все зависит от нашей способности открываться навстречу этому. В противном случае мы, как и все остальные, применяем позитивистские мерки и не способны видеть четко.

⁶⁸ Л. Джуссани, «Религиозное чувство», цит., стр. 142.

⁶⁹ Там же, стр. 143.

2. Воспитание свободы

Теперь понятно, какую важную роль играет воспитание свободы. Поэтому отец Джуссани настойчиво повторяет: «Основополагающая проблема той великой драмы «знака», которым является мир, [...] – это воспитание свободы. Если реальность призывает человека к чему-то иному, то воспитание свободы равнозначно воспитанию ответственности. Слово «ответственность» происходит от существительного «ответ». Воспитать ответственность – значить приучить отвечать на то, что призывает».⁷⁰ Каким же образом реальность призывает меня? Сегодня утром мы сказали: с помощью метода, который называется «знак»: нечто в реальности, через что бытие призывает меня ответить.

Воспитание свободы характеризуется двумя факторами:

а) *Воспитание внимания*

«Прежде всего, воспитание ответственности подразумевает воспитание *внимания*, поскольку [заметьте, с каким реализмом говорит отец Джуссани] внимание не всегда завоевывает пространство вовлеченной свободы [вновь – нехватка человечности], внимание возникает не автоматически [внимание – это напряжение, усилие, то, что вынуждает нас совершать тяжелый труд. Поэтому мы не должны считать его самоочевидным]. Предвзятость, чем бы она не была обусловлена [и здесь отец Джуссани оказывает нам неоценимую помощь: каждый может узнать себя в одном из вариантов], препятствует концентрации внимания: преобладание заинтересованности, следовательно, рассеянность; утверждение уже сложившегося представления, следовательно, игнорирование нового послания; концентрация чувствительности на том, что нравится, и поэтому растущая нечувствительность к особенностям и частностям предложения; неуклюжесть обобщения, которое становится преступным, когда речь идет о серьезных вопросах».⁷¹ Все это – ситуации, в которых выявляется нехватка человечности, потому что человеческая целостность – в том, что открыто для полноты. Поэтому отец Джуссани настаивает на том, насколько важен это неизменный акцент на полноте. Каждый может проверить, как он ведет себя в отношении знаков, которые Господь совершает на наших глазах. Как мы можем продолжать повторять, что, в конечном счете, та исключительность, которую мы видим, может иметь другое объяснение кроме присутствия Христа? Как мы можем продол-

⁷⁰ Там же, стр. 145.

⁷¹ Там же.

жать повторять, что Его имя – внешняя добавка? Только из-за недостатка внимания или из-за отсутствия расположенности принять Христа.

б) Воспитание способности принять

Поэтому отец Джуссани указывает на второй фактор, то есть «воспитание способности *принять*. [...] Воспитание внимания и способности принимать [...] – это педагогика, ведущая к открытию, может быть, преждевременно, [...] уже закрытых дверей [...]. [Поэтому оно] обеспечивает должную глубину отношения к реальности: человек должен быть распахнутым, свободным и лишенным той предвзятости, с которой он призывает реальность на свой собственный суд, и, следовательно, он не должен судить ее, исходя из предвзятых суждений. Как бы там ни было, воспитание свободы и внимания, то есть открытости к совокупности рассматриваемых факторов, и воспитание способности принимать, то есть обнимать все, что предстает перед глазами человека, для человеческого пути является главным вопросом». ⁷² Потому что без воспитания внимания и способности принять то, что приходит к нам извне, мы теряемся.

Итак, кто следует тому, что Господь совершает на наших глазах, тот расцветает, а кто не позволяет, чтобы то, что происходит, рождало его, тот гниет. Поэтому мы все должны упражняться в этом правильном поведении в отношении реальности, в этой исходной позиции, в которой мы были созданы Тайной. И это воспитание, – всегда говорил отец Джуссани, – не происходит спонтанно: нужно усердно трудиться, нужен труд.

То есть главный вопрос – как воспитывать свободу? Отвечая на призыв реальности: если реальность бросает человеку вызов, то воспитание свободы должно быть воспитанием способности отвечать на этот вызов. Это просто: «Именно воспитание «алчущих и жаждущих» делает внимательными к побуждениям, которыми наполнено сопоставление с целостностью реальности [...]. Блаженны алчущие и жаждущие [человечность, в которой живет голод и жажда – это благодать. Такая жизнь – это благословение, потому что в этом случае я способен вместить всю реальность]. Горе тем, кто не алчет и не жаждет, тем, кто уже знает, тем, кто не ждет ничего. Горе удовлетворенным, для которых реальность в лучшем случае лишь повод для их эмоций и которые не ждут от нее ничего действительно нового [это проклятие]». ⁷³ Если мы все еще не понимаем, что означают слова «нехватка человечности», то я не могу найти для этого более впечатляющего объяснения: «Все «но»; «если»; «однако»; «может

⁷² Там же, стр. 146.

⁷³ Там же, стр. 146-147.

быть»... с помощью которых пытаются поставить под сомнение положительность процесса взаимоотношений «я» – реальность, – это заградительный огонь, дымовая завеса, прикрывающая отступление человека перед лицом самой реальности». ⁷⁴ Я говорю это не в укор, но для того, чтобы обозначить все элементы, позволяющие нам понять, в чем состоит работа, которую нам предлагает проделать отец Джуссани, если мы действительно хотим быть его детьми, а не потерпеть фиаско как человеческие личности.

3. Условие свободы

«В чем заключается для человека истинная трудность, когда он стремится прочесть таинственное имя, которое подсказывает и знаменует вся окружающая реальность? В чем истинная трудность признания существования Бога, существования тайны, смысла, превосходящего человека?» ⁷⁵ Истинная трудность в том, что отец Джуссани называет опытом риска, который он всегда объяснял на собственном опыте из детства, когда он оказался в горах в связке, и нужно было перепрыгнуть через расселину шириной меньше метра, но он испугался и в приступе паники ухватился за выступ скалы: страх одержал верх. «Я хорошо понял это, вспомнив вдруг спустя так много лет о случае, произошедшем со мной в детстве. Я упорно просил взять меня в связку альпинистов, но мне отвечали: «Ты слишком мал». Однажды мне сказали: «Если в июне тебя переведут в следующий класс, то ты первый раз пойдешь в связке». Так и случилось. Впереди шел проводник, потом я, потом двое мужчин. Мы прошли уже полпути, когда вдруг я увидел, как проводник слегка подпрыгнул. Я находился от него на расстоянии трех или четырех метров. Нервно размахивая веревкой, я услышал, как он говорит мне: «Прыгай! Прыгай же!». Я вижу, что передо мной расселина, а на расстоянии метра – другая расселина, а внизу – глубокий овраг. Я быстро обернулся, вцепился в выступающий край скалы, и трое мужчин не могли оторвать меня от нее. Я помню голоса, повторяющие мне: «Не бойся, мы здесь!», и я сам говорил себе: «Глупый, они держат тебя»; я говорил это сам себе, но не мог оторваться от своей случайной опоры. Этот необычайный страх много лет спустя помог мне понять, что такое опыт риска. Меня парализовало не отсутствие доводов; но эти доводы как бы повисали в воздухе, они не

⁷⁴ Там же, стр. 148.

⁷⁵ Там же.

затрагивали меня. Это аналогично тому, когда люди говорят: «Вы правы, но меня это не убеждает». Это зияние, пропасть, пустота между догадкой об истине, о бытии, даруемом разумом и волей: разлад между разумом, восприятием бытия и волей, которая есть привязанность, то есть сила связи с бытием (христианство усмотрело бы в этом опыте рану, нанесенную «первородным грехом»). Поэтому человек имеет все доводы, но не движется с места. Он не движется, то есть ему не хватает энергии, чтобы быть последовательным: последовательным [внимание!] не в этическом смысле, то есть в смысле последовательности поведения [не станем сразу же менять тему], но в теоретическом, – он не принимает умом истину, несмотря на доводы. Именно эта последовательность есть начало цельности человека. Таким образом, последовательность остается той силой, с которой человек берет самого себя и соединяется, «прилепляется» к тому, что подсказывает ему разум». ⁷⁶ С того момента он начал понимать, в чем на самом деле заключается наша трудность: «Каким образом мне удалось бы оторваться от выступа скалы, в который я вцепился? Только огромным усилием воли. Этой силы воли у меня не было: но не в ней решение проблемы [...]. [Следовательно] вот подлинное определение опыта риска: это страх утверждать бытие, странный, потому что чуждый природе, противоречащий ей». ⁷⁷ Разлад разума и воли, следствие первородного греха, становится причиной подобной нехватки энергии. Ханс Урс фон Бальтазар называет это «*Manko an Gnade*»: «Выбор, сделанный человеком против Бога, не какого-то бога вообще, а основателя человеческой семьи, имел для всей этой семьи последствия не столько в виде личных грехов, сколько в виде недостатка благодати [*Manko an Gnade*] (наряду с последствиями, затронувшими структуру его природы)». ⁷⁸ Нехватка благодати, нехватка энергии, позволяющей мне прирасти, как если бы я взял в руки эту бутылку, и она тут же выпала из моих рук, потому что у меня нет сил держать ее.

Но если невозможно собрать необходимую силу напряжением воли, что же делать? «В природе существует метод, придающий нам эту энергию свободы, благодаря которой мы преодолеваем, побеждаем страх перед риском. Чтобы преодолеть пропасть «но», «если» и «однако», природа прибегает к методу *общинности*. Ребенок бежит по коридору, распахивает всегда остававшуюся открытой дверь в темную комнату и в страхе убегает назад. Его мама подходит, берет его за руку, и, держась за

⁷⁶ Там же, стр. 149-150.

⁷⁷ Там же, стр. 150-151.

⁷⁸ H.U. von Balthasar, *Teodrammatica. IV: L'azione*, Jaca Book, Milano 1982, p. 169.

материнскую руку, ребенок входит в любую темную комнату этого мира. Только общинное измерение дает человеку достаточную способность преодолеть опыт риска».⁷⁹

Но не всякая компания может помочь в этом, как показывает сам пример Джуссани. Нам нужно присутствие, благодаря своей привлекательности способное победить разрыв разума и привязанности; присутствие, которое было бы рядом со мной, когда я шагаю в темноту, которое привязало бы меня к себе. Когда все пойдет действительно плохо, как во время страстей Христа, – все оставили Его, и даже Его привлекательность не смогла этого предотвратить, – нужна более мощная сила. «Имя ей – Христос воскресший и Его Дух, господствующий в мире, и приходящий в мир в первую очередь через призванных – это Пятидесятница, – и распространяющийся по миру. Через Вознесение на небеса Он восшел к истоку всех вещей, которые все принадлежат Ему, и вещи больше не шатаются, но ощущают охватившую их руку, и поэтому они ощущают в нужный момент поддержку и свет. Это называется «благодать Христа». Благодать. И только она в определенный момент совершает то, что не удалось ни компании, ни великому человеку».⁸⁰ Нужна сила Святого Духа, как говорит святой Павел: «Никто не может назвать Иисуса Господом, как только Духом Святым».⁸¹ И снова, как мы увидели сегодня утром, только благодать Духа способна окончательно победить этот разрыв между разумом и привязанностью, чтобы человек смог родиться снова. Поэтому в первую очередь нужно просить об этой благодати: “*Veni Sancte Spiritus, veni per Mariam*”.

Каким образом действует Дух? Он действует в особом месте, которое называется харизмой и в котором мы можем получить воспитание, можем научиться побеждать этот разрыв, если согласимся следовать и принять благодать, данную Святым Духом отцу Джуссани. Действительно, «Общинное измерение не подменяет собой свободу [...], но является условием ее осуществления».⁸² Вместе с этой компанией, постоянно рождаемой силой Духа, мы можем войти в приключение жизни, оставаясь на высоте величия человеческой природы. И поэтому мы должны просить об этой благодати, мы должны, как нищие, питаться тем хлебом, который называется Евхаристия. У нас нет мистических видений. Мы прекрасно знаем, что должны встать в очередь и, хромяя, идти к этой пище, без кото-

⁷⁹ Л. Джуссани, «Религиозное чувство», цит., стр. 151.

⁸⁰ L. Giussani, *Si può (veramente?!) vivere così?*, BUR, Milano 1996, p. 106.

⁸¹ 1Кор. 12, 3.

⁸² Л. Джуссани, «Религиозное чувство», цит., стр. 151.

рой у нас ничего не выйдет. Точно так же нам нужно просить и получать благодать прощения в таинстве покаяния и начинать снова каждый раз, когда мы падаем.

Вопрос в том, какая компания способна быть рядом с нами в любой ситуации. С этой точки зрения потрясающе перечитывать объяснение мифа об Одиссее, данное отцом Джуссани: «Одиссей – умный человек, стремящийся силой своего разума измерить все сущее. Его любопытство неукротимо: он – властелин *Mare Nostrum* (наше море, Средиземное море). Представьте себе этого человека со всеми его матросами, на его небольшом судне, странствующего от Итаки к Ливии, от Ливии к Сицилии, от Сицилии к Сардинии, от Сардинии к Балеарским островам: все *mare nostrum* им измерено и управляемо, исхожено вдоль и поперек. Человек – мера всех вещей. Но, доплыв до Геркулесовых столпов, он сталкивается со всеобщим убеждением в том, что мудрость, иначе говоря, надежная мера реального, невозможна. За Геркулесовыми столпами нет ничего надежного, лишь пустота и безумие. И как тот, кто заплывает за них, является человеком с богатым воображением, который уже не сможет быть уверен ни в чем, так за границами опытно познаваемого в их позитивистском понимании существует лишь фантазия или, по крайней мере, уверенность невозможна. Но Одиссей, в силу самого «величия», которое влекло его странствовать по *Mare Nostrum*, доплыв до Геркулесовых столпов, чувствовал, что это не только не конец, но как бы начало высвобождения его истинной природы. Тогда он преступил мудрость и поплыл вперед. Он не ошибся, решив плыть дальше: «идти дальше» было заложено в его человеческой природе; приняв это решение, он почувствовал себя действительно человеком. В этом суть борьбы между человеческим началом, то есть религиозным чувством, и бесчеловечностью, то есть позитивистским подходом всего современного мировоззрения. Оно сказало бы: «Мальчик мой, единственно достоверно то, что ты констатируешь и измеряешь научно, на опыте; по ту сторону этого – лишь бесполезная фантазия, безумие, утверждение, порожденное воображением». Но что находится за пределами этого *Mare Nostrum*, которым мы можем овладеть, которое мы можем покорить и измерить? Океан смысла. И именно заплывая за Геркулесовы столпы, преодолевая крайнюю границу, установленную ложной мудростью, гнетущей уверенностью, человек начинает чувствовать себя человеком и углубляется в загадку смысла. Реальность при столкновении с человеческим сердцем провоцирует ту же динамику, которую Геркулесовы столпы вызвали в сердце Одиссея и его товарищей, чьи напряженные лица выражали

желание иного. Для этих тревожных лиц и сердец, исполненных томления, Геркулесовы столпы были не пределом, а призывом, знаком, чем-то отсылающим за рамки самого себя». ⁸³ А кто может рискнуть заплыть за Столпы, кто может по-настоящему шагнуть в темноту, кто может составить нам компанию в трудный момент? Только тот, кто живет на уровне, соответствующем человеческому достоинству: «Таков масштаб человека в иудейско-христианском откровении. Жизнь, человек – это борьба, то есть напряжение, отношение – «во тьме» – с потусторонним; борьба, где лицо противника скрыто». ⁸⁴

На этом уровне драмы компанию в пути нам не может составить кто угодно, потому что «именно отношение с потусторонним делает возможной драму жизни посюстороннюю, иначе царит скука, источник уклончивой, обманчивой самонадеянности или губительного отчаяния». ⁸⁵

Итак, друзья, все дело в том, хотим ли мы «устроенной» жизни или хотим участвовать в этом приключении, хотим ли мы спокойно жить в своем знакомом мире, в средиземноморье, или примем вызов Геркулесовых столпов. Только в том случае, если в нас живо это желание, это стремление идти дальше, мы сможем выдержать в этом мире. Альтернатива не в том, что моя жизнь станет удобнее, – мне станет еще больше скучно, безнадежно, душно. Мы сможем действительно стать друзьями, только если примем вызов этих Геркулесовых столпов, этой Дали. Но многие говорят, что идти дальше – безумие...

Мы можем плыть за приключениями дальше, за Геркулесовы столпы, не теряя рассудка, потому что Далекое стало нам товарищем, как свидетельствует Святой Павел: «*Говорю так* не потому, чтобы я уже достиг, или усовершился; но стремлюсь, не достигну ли и я, как достиг меня Христос Иисус. Братия, я не почитаю себя достигшим; а только, забывая заднее и простираясь вперед, стремлюсь к цели, к почести высшего звания Божия во Христе Иисусе». ⁸⁶ Если наше Братство не есть Братство людей, – пусть даже хромающих, потому что тут дело не в последовательности, – чьи лица устремлены к Другому и сердца полны ожидания Христа, мы не просто предадим харизму, но через какое-то время все это просто перестанет интересовать нас. Попросим у Богородицы и у отца Джуссани, чтобы они помогли нам быть людьми на высоте, соответствующей величию человека.

⁸³ Там же, стр. 154-155.

⁸⁴ Там же, стр. 155.

⁸⁵ Там же, стр. 154.

⁸⁶ Флп. 3, 12-14.

Воскресенье 25 апреля, утро

При входе и выходе:

Франц Шуберт, Трио с фортепиано п. 2, оп. 100, D 929

Eugene Istomin, фортепиано – Isaac Stern, violino – Leonard Rose, виолончель
“Spirto Gentil” n. 14, Sony

Отец Пино. “Блаженны алчущие и жаждущие”.

Ангелус

Утренняя молитва

■ АССАМБЛЕЯ

Давиде Проспери. Мы собрали вопросы, их было множество. И предварительно я сделаю два наблюдения. Первое – положительное суждение, так как становится заметен плод работы, проделанной в этом году; он проявляется в виде способности сопоставлять с предложением личный опыт. Другое наблюдение таково: большая часть вопросов касалась второй лекции, и возможно не только потому, что она по времени ближе к собранию, но потому, что из нее хорошо понятно, что источник трудности в понимании динамики разума стал ясен именно в течение этих дней. Невозможно понять свободу, если она сбилась с траектории разума в отношении с реальностью как знаком. Мы постарались обобщить вопросы, придав перспективу тем из них, которые заслуживали более глубокого рассмотрения.

Первый вопрос: Мне кажется, что когда я прошу о благодати, я не двигаюсь, а когда совершаю работу, то как будто могу обойтись без благодати. Как они взаимосвязаны?

Каррон. Это пример того, о чем я сказал уже в пятницу вечером: нам трудно понять отношение благодати и свободы. Не нужно пугаться, потому что об этом велось много споров на протяжении всей истории, и если нам тоже трудно, удивляться тут нечему... Но нужно как следует это понять, потому что если мы не поймем связь одного и другого, то как будто для утверждения одного нам нужно будет отрицать другое. Почти всю историю Запада можно представить как диалектику этих двух полюсов.

Что нам важно? Важно понять то, что мы постарались сказать в течение этих дней: встреча с Христом – то есть благодать, – именно потому, что она обладает способностью пробуждать «я» (весь его разум, всю его способность быть свободным, всю его способность к привязанности), становится началом работы. Поэтому, если человек принимается за работу, – это уже знак благодати, это первый знак, что в его жизни произошло событие, которое сдвинуло с мертвой точки что-то внутри него. Поэтому здесь нет противоречия с благодатью! Благодать находится в истоке, но подтверждение, самый великий знак того, что благодать совершилась, – это именно то, что она привела меня в движение.

Каждый из нас прекрасно может понять это, потому что если я больше не способен использовать разум, расширенный максимально, не способен надлежащим образом использовать свободу, то я остаюсь таким, каким был, и я, как и другие, буду жить в реальности в обычной рассеянности. Но если свобода обладает способностью по-другому использовать разум, то мы можем смотреть на обстоятельства, на жизнь, с дыханием, со светом, с новизной, о которой мы не могли бы и мечтать. Поэтому первый знак благодати – она заставляет действовать свободу, она заставляет нас работать.

Проспери. Это новое рождение происходит всю жизнь или в какой-то момент? Это мгновение или процесс?

Каррон. Новое рождение, как прекрасно объяснил нам вчера кардинал Скола, происходит в определенный момент, в момент Крещения. Он сказал нам: «В Крещении каждый человек зачинается снова как сын в Сыне. Отсюда берет начало его новое самосознание. [Поэтому] человек в Крещении зачинается как христианин». Именно с этого момента я могу утверждать, как сказал Папа и как напомнил нам вчера кардинал Скола: «Я, но уже более не я». Это формула христианской жизни, основанной на Крещении, и это происходит один раз и навсегда именно в Крещении, так что мы даже говорим, что Крещение налагает на нас неизгладимую духовную печать («характер»): это происходит при Крещении, и это невозможно ничем стереть. Почему невозможно это стереть? Потому что это действие Христа, Который целиком захватывает меня и говорит мне, совершая это действие: «Ты Мой, ты принадлежишь Мне, ты, попросив о Крещении, решил оставить то, чему ты принадлежал, чтобы принадлежать Мне. Я – твое новое сознание о себе». Связь, которой Христос связывает меня с Собой в этот момент, – навсегда. Это очень важно для нашей уверенности, потому что это зависит не от того, насколько мне все удастся, потому что это зависит не от меня, не от моих способностей, – это целиком действие Христа.

Поэтому, даже если я забываю, ухожу или ошибаюсь на виду у всех (как это случилось, когда во времена преследований христиане отрекались от Христа, – Крещение больше не повторялось), я не могу разорвать связь, которой Христос связал меня с Собой, настолько она прочна. Любой родитель прекрасно понимает: что может сделать твой сын, чтобы разорвать эту связь? Ничего. Это нетрудно понять, и если на это способны мы, бедняги, вы только представьте, что может Христос!

Итак, это происходит один раз и навсегда в Крещении. Но, – продолжает кардинал, – если человек, как большая часть из нас, принимает Крещение в детстве, оно расцветает в новое мировоззрение при нашей личной встрече с Христом в Церкви. Чтобы эта благодать, полученная нами в Крещении, расцвела и достигла всех аспектов нашей жизни, всех деталей нашего существования, нужно пройти путь. Отец Джуссани использовал формулировку, которая всегда меня изумляла: «Встреча Христа с нашей жизнью, благодаря которой Он начал становиться для нас реальным событием, столкновение Христа с нашей жизнью, после которого Он начал движение нам навстречу и как *vir pugnator* вступил в борьбу за то, чтобы проникнуть в нашу жизнь, называется Крещением».⁸⁷ Поэтому произошедшее в момент Крещения имеет всю жизнь как перспективу.

Обратите внимание, как далеко от этого наше сознание: не то, что это неправда, что я принадлежу Христу, – по благодати, благодаря той связи, которой Христос связал меня с Собой, я принадлежу Христу, – но какая бездна разделяет наш обычный образ жизни от этого осознания! Чтобы увидеть, какая рассеянность переполняет нас, достаточно вспомнить, когда в последний раз мы были взволнованы до мозга костей, действительно осознав этот факт. И сколько еще нужно работать, чтобы эта истина была усвоена нами, стала самосознанием, стала суждением, которое увлекло бы всю мою личность, мое сознание, мою чувствительность, мою привязанность – все.

Именно поэтому, как мы сказали выше, встреча, происшедшая через благодать харизмы, придает убедительность благодати Крещения и помогает нам все больше усваивать ее через нашу личную историю. Мы собраны вместе именно для этого; нет другой цели, ради которой мы собираемся вместе, если не для того, чтобы то, что произошло в момент Крещения, стало моим, стало твоим, стало нашим. Именно для этого мы принадлежим Церкви, и именно для этого Святой Дух продолжает порождать харизмы, то есть способ действия, позволяющий придать убедительность благодати Христа, чтобы новизна, которую принесла эта благодать, могла все больше заполнять нас.

⁸⁷ L. Giussani – S. Alberto – J. Prades, *Generare tracce nella storia del mondo*, op. cit., p. 64.

Проспери. Чем больше я люблю вещи, реальность, знаки, тем больше занимаю оборонительную позицию из страха потерять их. Как любовь к вещам может стать, напротив, моментом открытости?

Каррон. Чем больше ты что-то любишь, тем больше желаешь сохранить это. Отправная точка – у тебя есть нечто, что ценно, и это настолько дорого тебе, что ты хотел бы никогда не потерять это; отправная точка – у тебя есть нечто прекрасное, то, что ты любишь. Первый импульс имеет положительный знак: у тебя что-то есть. Страх возникает всегда во вторую очередь: ты не хочешь потерять то, что тебе принадлежит. Итак, ты можешь найти адекватное решение, только дойдя до конца, до потребности не терять это. И тогда ты начинаешь искать, как сделать так, чтобы не потерять это. То есть искать того, кто может навсегда сохранить это для тебя.

Человек стоит перед этой потребностью, и каждый прекрасно понимает, что не может ответить сам, самостоятельно. Тогда понятно то, что мы сказали вчера: без перспективы, которая уходит «дальше», без «конечного ответа, который находится *по ту сторону* осязаемых жизненных форм»⁸⁸ (в том случае – справедливости, а в этом случае – любви), невозможно поддерживать эту потребность. Поэтому опасность в том, что в определенный момент я могу остановиться, что я не способен выстоять перед глубиной потребности. Потому что если я не хочу ослабить полноту потребности, я не могу останавливаться, я должен постоянно идти вперед. Если же мы останавливаемся, то остаемся в страхе и не доходим до той точки, где мы находим в этом «дальше» ответ, который навсегда избавляет нас от страха. «Устранив предположение о чем-то «превыше», мы противоестественным образом задушили бы эти потребности».⁸⁹

Именно здесь безжалостно ясно, до какой степени нам не хватает идеи Тайны, и становится понятно, почему Христос пришел воспитать наше религиозное чувство, научить нас понимать природу нашей потребности. В противном случае мы никогда не поймем разумность веры в Христа. Если бы я сам мог дать ответ на эти бесконечные потребности, зачем мне усложнять верой свою жизнь, зачем прилепиться к чему-то еще? Я понимаю в опыте, что сам я не могу ответить на свою потребность любить то, что я люблю (и навсегда сохранить это). И в таком случае либо я вопреки разуму заявляю, что ответа не существует, подавляя потребность и оставаясь в страхе, либо я не умаляю эту потребность, я сохраняю все ее бесконечное дыхание, ее стремление «дальше».

⁸⁸ Л. Джуссани, «Религиозное чувство», цит., стр. 134.

⁸⁹ Там же.

И тогда человек радуется Христу, потому что Он есть, потому что есть Тот, Кто сохранит для меня то, что я действительно люблю. Не потому, что я сам способен на это, но потому, что есть Христос; Христос есть, и в этом случае я могу избавиться от страха.

Друзья, знак, что Христос начинает становиться для нас реальным, – в том, что мы начинаем побеждать этот страх. Потому что проблема в том, что если у нас нет ответа для того, что мы любим, то у нас нет ответа для нас самих: Христос равен нулю и для нашей жизни нет ответа. Одно и то же в отношении нас самих и того, что мы любим. Только если мы честно идем до самого конца в нашей потребности, мы можем понять, какая это неимоверная благодать – найти Того, Кто принимает всю потребность в справедливости, красоте, любви и исполняет ее, не подавляя.

Проспери. Ты сказал, что все зависит от нашей способности быть открытыми перед реальностью, но как можно сохранить такую позицию в отношении абсолютно отрицательного обстоятельства, например, насилия над детьми, или совершенно банального, например, мытья посуды?

Каррон. Друзья, мы должны проделать именно такую работу: не блокировать вопрос, что бы ни случилось, даже если это ужасное насилие над детьми. Если я блокирую динамику потребности, я вынужден делать все из-за морализма, я должен мыть посуду, потому что должен мыть ее, без смысла, без всякой связи с моей человечностью, и то же самое верно во всех остальных случаях. Так мы никогда не сможем по-настоящему понять, что такое Христос. Поэтому я советую вам каждый день перечитывать и выучить наизусть первый абзац книги «У истоков христианского притязания»: «Невозможно полностью осознать то, что хочет сказать Иисус Христос, если мы прежде хорошо не осознаем природу того динамизма, который делает человека человеком. Ведь Христос предлагает Себя как ответ на то, что такое «я», и только внимательное, а также нежное и страстное осознание себя самого может распахнуть и расположить меня к признанию Христа, восхищению Им, благодарению и жизни в Нем. Без этого сознания даже имя Иисуса Христа становится всего лишь именем».⁹⁰

Поэтому все дело в этой честности, открытости перед реальностью такой, какой она идет нам навстречу, прекрасная или безобразная, потому что дело не в том, прекрасна она или безобразна, а в том, чтобы найти адекватный ответ на вопрос! И мы понимаем, что может дать ответ на условно отрицательные события, например, насилие над детьми. Статья,

⁹⁰ Л. Джуссани, «У истоков христианского притязания», цит., стр. 7.

опубликованная в итальянской газете *La Repubblica*, родилась из вопроса: кто дает ответ на эту потребность? Потому что если нет надежды на ответ, больше нет справедливости! Как нет смысла в том, чтобы мыть посуду или любить другого человека. Все эти потребности рождаются изнутри жизни: в нас всех есть эти потребности, даже после христианской встречи, и после нее они проявляются даже в большей степени! Мы не обречены отворачиваться от этих вопросов. Только мы можем смотреть им в лицо, и все это – благодаря встрече с Христом, потому что в противном случае, как и всем остальным, нам пришлось бы бежать от них, так как нам не удастся смотреть в лицо всем потребностям, злу, катастрофам или всему, что кажется нам лишенным смысла. Поэтому самый явный знак, что мы совершаем путь, – то, что мы способны смотреть на все, – на все! – не отбрасывая ничего, – понимаете? – ничего.

Проспери. Что значит, что свобода действует не только тогда, когда мы даем ответ на вызов реальности, но и в открытии судьбы?

Каррон. Мы часто думаем, что свобода начинает действовать не сразу: сначала разум открывает реальность, а потом свобода решает, как переживать эту реальность. Но в этом случае мы не осознаем все факторы, которые требуются для познания. Мы можем познать полноту реальности только в той мере, в какой мы распахнуты навстречу реальности. Отец Джуссани всегда учил нас этому, и чтобы в этом разобраться, достаточно как следует уяснить три предпосылки из «Религиозного чувства»: чтобы понять реальность, нужен реализм (первая предпосылка); разум, который осознает всю реальность в полноте ее факторов (вторая предпосылка); а также в процессе познания, важной частью которого является свобода, требуется нравственность (третья предпосылка).⁹¹ Это очень важно, потому что зачастую мы убеждены, что описываем реальность, но то, что мы описываем, – это уже умаление реальности (потому что мы решили, что определенные вещи, не помещающиеся в наши мерки, не могут существовать). Отец Джуссани часто приводил нам в пример Пастера и то, как он открыл микроорганизмы: «Пастеру приходилось постоянно повторять свои опыты, потому что, казалось, никто не в состоянии оценить их. Последними, кто признал их научную ценность, были преподаватели Сорбонны – члены Парижской Академии наук. Для этих профессоров допустить то, что утверждал Пастер, значило на следующий день, поднявшись на кафедру, признать, что многое должно быть изменено. Здесь были замешаны

⁹¹ Л. Джуссани, «Религиозное чувство», цит., стр. 5-38.

гордость, слава, деньги. Для них роль микробов, представляющая собой объективную научную проблему, стала жизненно важной проблемой. Что должны были сделать эти профессора, чтобы оценить важность открытия Пастера, неоспоримого даже для людей несведущих? Им нужно было бы проявить честность, нравственное достоинство, любовь к истине, то есть все то, что они не могли обрести вдруг, в течение одного дня, без длительного нравственного воспитания».⁹²

Когда человек занимает в отношении реальности определенную позицию, свобода уже вовлечена в этот процесс. И часто мы не осознаем, что такая ситуация выглядит постыдной: человек о чем-то рассказывает тебе и не отдает себе отчет в том, что, говоря о реальности, он уже умаляет ее из-за предрассудков, из-за предвзятости, из-за своей мерки, которая мешает увидеть все; а ему еще нужно убедить тебя, потому что реальность есть и постоянно ему противоречит! В таком случае бесполезно спорить. Подобное нередко происходит в нашей среде, особенно в отношении фактов, которые случаются на наших глазах, таких же фактов, какие совершались вокруг Иисуса, а фарисеи этого не замечали. Разве они были настолько глупы, что ничего не видели? Дело не в том, что они не видели, – эти факты были у всех на виду, – но они не были к ним расположены, то есть их свобода участвовала в том, каким образом они открывали для себя реальность. Мы тоже не глупцы. Мы поступаем так только потому, что сопротивляемся тому, что есть. Честнее будет, вместо того, чтобы говорить, что определенных вещей нет, признать, что мы хотим сопротивляться. Подобная ситуация выглядит постыдной: все остальные видят несуществующие вещи или это ты страдаешь близорукостью, которая мешает тебе видеть? Эта слабость присуща нам всем, потому что нам трудно признать определенные вещи. Итак, драма жизни разыгрывается здесь, в «первых тончайших сумерках» нашего отношения с реальностью.

Проспери. Опять о свободе. Множество вопросов о том, что «человек решил в глубине души изначально». Мы выбрали этот вопрос, потому что он показался нам особенно точным: «Человек в своей свободе утверждает то, что уже решил в глубине души изначально. Как можно выйти из закрытой позиции? Например, парень в твоём примере после того, как ты его исправил, через две недели снова находился в первоначальной закрытой позиции...».

Каррон. Дело не в том, что у человека есть предрассудки, потому что предрассудки неизбежны. Человек, если он не камень, безусловно, увидев

⁹² Там же, стр. 33.

другого человека, поговорив с ним несколько минут, составляет об этом человеке какое-то мнение: приятный, неприятный, скучный и т.д. Человек составляет мнение немедленно. Дело не в этом, потому что это неизбежно. Дело в том, что потом я непременно вижу в этом человеке другие знаки, но меня даже краном не сдвинуть с моего предрассудка! Проблема моего ученика не в том, что он начал с предрассудка, но в том, что он не был расположен измениться. И – внимание! – если бы не было возможности измениться, не было бы и свободы: у человека всегда есть возможность измениться, всегда есть возможность склониться перед тем, что он видит, всегда есть возможность признать то, что он видит, в противном случае получилось бы, что мы просто зажаты механизмом, выбраться из которого нет никакой возможности. Но это было бы отрицание личности, это вновь было бы сведение личности к предшествующим факторам: биологическим, психологическим, социологическим. Нет! Человек «есть непосредственное отношение с тем, из чего все рождается, – с судьбой, с Тайной, с Богом».⁹³ Даже первородный грех не может этого изменить: возможность есть, есть, какой бы хрупкой она ни стала! Поэтому я могу постоянно воспитывать в себе свободу, внимательность и способность принимать. Я могу воспитывать себя. Если бы мы не могли воспитывать себя, это означало бы, что быть здесь бесполезно, потому что каждый уже сформировался определенным образом, и уже невозможно ничего изменить. Но такая возможность есть у каждого из нас, какой бы ни была наша история, прошлое, обстоятельства, все факторы, породившие нас, потому что эта возможность есть часть понятия о личности: «я» есть отношение с Тайной.

Проспери. То, что ты сказал вчера днем, заставило меня вспомнить о моих детях, которые не хотят разделять мой опыт (то же самое можно сказать о муже, о жене, коллеге... в общем, о тех, кто нам дорог). Вопрос: до каких пределов простирается моя ответственность в отношении этих людей и что значит уважать их свободу?

Каррон. Моя ответственность в отношении этих людей заключается в том, чтобы я сам проживал свою жизнь со всей насыщенностью, то есть отвечал Христу, Который призывает меня. Раньше я уже приводил вам два примера, которые навсегда прояснили для меня этот вопрос. Первый пример – это Богородица. Как Богородица содействовала мне, моей судьбе, моему благу? Сказав свое «да». Сказав «да» в ответ на весть ангела и «принеся» Христа в историю, она содействовала моему

⁹³ L. Giussani, *L'avvenimento cristiano*, BUR, Milano 2003, p. 9.

благу. Она оставила мне свободу, чтобы я сам решал перед лицом Христа, но как она содействовала мне? Переживая свое отношение с Господом. И другой яркий пример, который у всех нас перед глазами, – отец Джуссани. Что сделал отец Джуссани для каждого из нас? Ответил на благодать, которая была ему дана; начиная со времени учебы в семинарии, он отвечал на эту интуицию человечности, на это биение, которое пробудили в нем слова Джакомо Леопарди и которое могло найти ответ только в Слове, ставшем плотью. И, отвечая на эту благодать, он передал ее нам через свое свидетельство: он содействовал нашей человеческой реализации, уважая нашу свободу. Не то, что он не стал ничего делать из уважения к нашей свободе. Напротив, он сделал все, что было в его силах, чтобы жить, чтобы жить перед нами, но одновременно он не сэкономил нам ни капли наших усилий, повторяя нам, что «в течение пятидесяти лет я смотрел на людей и принимал их [...] делая ставку на свободу, только на свободу».⁹⁴

Очевидно, что если речь идет о детях, это происходит в пути: восемь лет и шестнадцать лет – не одно и то же. Но наша ответственность – это ответственность перед Христом, Который призывает нас, потому что таким образом мы можем показать нашим детям, как насыщенно можно переживать реальность, и через это бросать им вызов, привлекая их свободу. Как вы можете заметить, в отношении с вашими детьми нет готовой формулы (даже когда вы думаете, что у вас есть формула, у вас не получится ее применить). Почему? Потому что речь идет о достоинстве, о величии личности вашего ребенка. И если Тайна согласилась с таким порядком, прося о нашей свободе, разве мы можем поступить иначе? Я не буду сейчас вдаваться в подробности, но, по-моему, дело не в том, чтобы просто устроить жизнь детей, а в том, чтобы прежде всего жить у них на виду, вынося суждение о новости, которую вы вместе услышите по телевизору, о достижениях и провалах в учебе, о болезни бабушки и т.д.

Проспери. Сейчас два вопроса, связанных с перенесением центра привязанности на «Ты».

Первый: Каррон сказал, что «нужно сместить центр привязанности на «Ты». Но когда мы так думаем о Христе? После октября, когда мы действительно так думали о Нем?». Я даже не могу понять, что Каррон хочет сказать. Мне кажется, что я часто думаю о Христе, но, по-моему, здесь речь идет о другом уровне, и это я хотел бы понять.

И с первым связан второй вопрос: было сказано, что нужно сместить

⁹⁴ L. Giussani, *Avvenimento di libertà*, Marietti, Genova 2002, p. 10.

центр нашей привязанности с себя на «Ты», действующее в реальности. Совпадает ли это «Ты» с компанией? Или какое оно имеет к ней отношение?

Каррон. Наша драма, друзья, в том, что сформулировано в первом вопросе: «Я даже не могу понять, что Каррон хочет сказать». Мы можем быть здесь, принадлежать движению и не знать, что это значит. А это значит то же самое, что мы сказали раньше о Крещении: «Я – уже не я, мое имя – это имя Христа, которое есть милосердие».⁹⁵ И поскольку мы не знаем на опыте, что это такое, то часто ограничиваем это компанией. И тогда понятен второй вопрос: «Совпадает ли это «Ты» с компанией?».

Я хотел бы прочитать вместе с вами отрывок из книги отца Джуссани, в котором дается недвусмысленный ответ на этот вопрос. Он пришел в дом Memores Domini, и для него спели красивую песню. И он говорит: «Это очень красивая песня: музыка, исполнение, человеческие чувства дружбы, братства, компании, переживающей приключение [Джуссани признает все: красоту музыки, дружбу, компанию тех, кто вместе переживает это приключение]. Но если можно было бы просто составить такой список, который я только что составил, и все, и счесть само собой разумеющимся Нечто иное [то есть Христа], принятое и признанное (разумеется), но считаемое самоочевидным, и не будь Его имя результатом выразительного диалога, желания быть услышанным, желания слушать, если бы Он не имел в определенном смысле самостоятельной индивидуальности, если бы у Него не было совершенно особенного лица, черты которого не спутать с теми, которые Он сам создал как знак Себя...».⁹⁶ Отец Джуссани не умаляет ничего, но в первую очередь не умаляет Христа: Он в определенном смысле самостоятельная индивидуальность, совершенно особенное лицо, черты которого не спутать с тем, что должно быть Его знаком.

И если мы этого не понимаем, мы снова умаляем важность знака. Потому что отец Джуссани всегда говорит о Христе как об этой ни с чем не сравнимой абсолютной исключительности: «Если [Христос] перестает быть объектом мыслей (памяти), слов (мольбы), созерцания со вкусом и изумления до такой степени, что радость от Его присутствия рождает слова: «Мое сердце радостно, потому что есть Ты», то проходят дни за днями, но к Нему не обращаются на «Ты», кроме как в поспешно повторяемых формулах»,⁹⁷ и тогда можно наслаждаться прекрасными дружескими отношениями с

⁹⁵ L. Giussani, *Che cos'è l'uomo perché te ne curi?*, San Paolo, Cinisello Balsamo (Mi) 2000, p. 183.

⁹⁶ L. Giussani, *L'attrattiva Gesù*, BUR, Milano 1999, p. 148.

⁹⁷ Там же.

другими людьми, иметь приемлемую работу, но этого не будет достаточно. Он повторяет это снова: «Хотя есть все уважение, благочестие, вся возможная чувствительность, иногда даже какая-то нежность... но побеждает то, что должно было быть временным предваряющим подобием [совместное времяпрепровождение, эта компания]».⁹⁸

А дальше отец Джуссани говорит: «Будем внимательны, потому что Иисус среди нас может быть источником всякого рода человечности, полной радости и дружбы, формально безукоризненных причин и конкретной материальной помощи [...] Но Иисус может быть сведен к «портрету прекрасной женщины, изваянному на ее надгробном памятнике»».⁹⁹ Вот чем может стать для нас Христос, несмотря на то, что мы вместе, и поэтому ясно, что мы не знаем, что значит, что у Христа особенное лицо, с не сравнимыми ни с чем чертами. Никто не отрицает Его, конечно, но мы останавливаемся на знаке.

Однако «я не могу любить, если этот призыв, память, поклонение, и послушание, и ученичество, и следование, и взгляд, жаждущий научиться, и готовность к жертве вплоть до смерти, с которыми я думаю о Тебе, смотрю на Тебя, следую за Тобой, если все это не станет конкретным, настолько конкретным, чтобы Ты, Господи, был Тем, Кого я люблю: Ты тот Господь, Которого я люблю. «Чего человек желает больше, чем истины?» Что есть истина? Человек, Который присутствует, присутствующий человек: Он не может размыться или раствориться в прекрасном и радостном облике компании лиц, которые должны быть Его знаком! Вот что происходит, когда человек по-настоящему, всем сознанием своего «я» произносит: «Ты!»».¹⁰⁰

В разговоре с новичиями *Memores Domini* отец Джуссани отвечает на вопрос, совпадает ли Христос с ближайшим окружением (он говорит о наших общинах, о нашем Братстве!): «Не совпадает – Он использует его как орудие. Чтобы воспитывать тебя, Христос обычно использует Дом (для *Memores*) [общину, группу Братства]. [...] Но полагать свою надежду на дом [на общину, на группу Братства] означает полагаться на то, что может с минуты на минуту разбиться или упасть, если Христос не будет это поддерживать. Поэтому моя надежда – в Христе, а не в доме [общине, группе Братства]».¹⁰¹ Но его продолжают спрашивать: «А разве без общины мы не возвращаемся к абстракции?» Тут он начинает терять терпение (и я вместе с ним): «Самое понятное сравнение – с таинством Евхаристии. Ни в чем

⁹⁸ Там же, стр. 149.

⁹⁹ Там же, стр. 150-151.

¹⁰⁰ Там же, стр. 151-152.

¹⁰¹ L. Giussani, *La drammaticità della compagnia*, in «30Giorni», n. 6, 1994, p. 42.

другом из того, что вы видите в Церкви, Христос не являет Свое присутствие так, как в этом Евхаристическом хлебе: Он отождествляется с ним (после пресуществления «в Евхаристических видах хлеба и вина присутствует всецелый Христос», как говорится в *Катехизисе*). Но наша надежда – не в «виде хлеба» – она в Том, Кто реально присутствует «в виде хлеба», в Господе нашем Иисусе Христе. Наша надежда – в тайне Бога, ставшего человеком, который становится присутствием в виде Евхаристического хлеба». ¹⁰² В Церкви никакое другое орудие Христос не использует так, как Евхаристический хлеб: Он отождествляется с ним. Но моя надежда не в хлебе: Он сам становится присутствующим среди нас в Евхаристическом хлебе, и этот Евхаристический хлеб – какая это сила для памяти (первые христиане хранили его в своих домах – представьте, какая сила призыва)! Но моя надежда не в хлебе: она в Том, Кто в нем.

Проспери. Как связан аспект общинного метода с необходимостью лично проделать работу? Ты сказал, что общинное измерение есть метод, позволяющий преодолеть риск. В моем опыте это, кажется, напротив, совпадает с передачей полномочий общине. В чем же разница?

Каррон. Разница в том, что сказал нам вчера отец Джуссани. Я не могу найти более краткого объяснения, чем дает он. То есть: общинное измерение – это не замена свободы, и поэтому оно не противопоставляется работе, точно так же, как выше мы сказали о благодати и свободе, но оно является условием для ее осуществления. Вернемся к его примеру: «Если я положу семя букового дерева на стол, то даже через тысячу лет (если предположить, что все останется, как есть) оно не даст ростка. Если я возьму это семя и положу в землю, оно превратится в дерево. Humus, почва, не заменяет непоколебимой энергии, непередаваемой «личности» семени: humus – это условие, необходимое для того, чтобы семя проросло. Община – это измерение, это условие, необходимое для того, чтобы человеческое семя принесло свой плод». ¹⁰³

Мы вместе именно для того, чтобы помочь друг другу в этом. Никто не станет говорить, что ради утверждения отдельной личности нам не следует собираться и проводить Упражнения Братства... Нет, все дело в том, что если это превращается в передачу полномочий общине или группе Братства, значит, мы проиграем, мы не растем, не развиваемся. Представим ученика, который идет на урок. Быть в классе с товарищами и учителем –

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Л. Джуссани, «Религиозное чувство», цит., стр. 151.

это условие, чтобы он мог чему-то научиться, но это не происходит автоматически. Если он не будет работать (ведь никто не может заменить его свободу), он никогда не научится, то есть не вырастет. Эти две вещи связаны.

Как показывает этот вопрос и предыдущий, проблема в том, что мы часто противопоставляем благодать и свободу, «я» и общину, Христа и компанию. Мы противопоставляем их. Верно, что я не могу разделить Христа и знак, но я не могу умалить Его до знака и не могу строить с Ним отношение, если у Него не будет Своего лица, совершенно особенного, с не сравнимыми ни с чем чертами. В противном случае мы умаляем Христа до нашей совместной жизни, и только представьте, как все закончится, когда в жизни нам встретится зло или смерть. Если у Христа нет совершенно особенного лица, как мы можем дать ответ на все наши потребности, например, – чтобы вещи не исчезали во времени? Можем ли мы, собравшись все вместе, ответить на потребность в справедливости, или добре, или любви? Возможно ли это без Христа воскресшего?

Проспери. Последняя группа вопросов – о смысле следования.

Первый: Чтобы в нас возникла готовность быть рожденными снова, недостаточно поддержки первой попавшейся компании. Как это касается значимости наших отношений в Братстве?

Второй: Мог бы ты лучше объяснить, что значит следовать харизме? Придумать себе какой-то образ – очень просто. Как проверить, что ты действительно следуешь, а не просто намереваешься это делать?

Последний: Когда следование свободно по отношению к авторитету?

Каррон. В чем цель Братства?

1) *Цель Братства – Движение*

На собрании во время Упражнений Братства отец Джуссани сказал: «Представьте, что человек встретил *Comunione e Liberazione* и каким-то образом понял, что [...] именно таким образом Бог призывает каждого из нас переживать веру. [...] Итак, Братство – для такого человека, который начал приобретать зрелое понимание, что смысл его жизни – жить верой в Церковь и Христа. [...] Поэтому он объединяется с другими людьми, имеющими такое же зрелое понимание, чтобы особенно, преимущественно вместе с ними, помогать друг другу, будучи [...] действенным, плодотворным, воспитательным знаком того, как можно переживать жизнь в общине. [...] Цель Братства – та же, что и цель Движения, то есть зрелость нашего сердца, наша зрелость как верующих, то есть зрелость нашей человечности. [...] Братство – это опыт Движения, который становится сферой жизни, стремящейся объять всю жизнь. [...] Итак, первое следствие Братства: каждый его член должен ощущать большую

ответственность за Движение. [...] Это не значит, что все должны участвовать в диаконии или исполнять в Движении те или иные обязанности. Я хочу сказать, что все должны, в первую очередь, переживать в своей жизни главные характеристики Движения [...] о чем бы ни шла речь: кто-то болен, нуждается, радуется, или же в газете появилась какая-то новость [...] Опыт жизни Братства – это импульс к миссии, чтобы передавать другим то, что, кажется, никто не замечает [...] Это великая несправедливость этого мира: «Пришел к своему, и свои Его не приняли, постучал в свой дом, и свои Ему не открыли».¹⁰⁴

2) Братство одно

«Отдельные образования, в которые собирается эта обширная компания [...] – это группы Братства, в виде которых живет единое Братство. Братство одно [единственно], как установлено в официальном документе [...] Святого Престола».¹⁰⁵ «Поэтому Святым Престолом одобрены не отдельные Братства [...] но одно Братство *Comunione e Liberazione*, потому что Братство *Comunione e Liberazione* – это опыт принадлежности Господу [...] который мы хотим [...] пережить до самой глубины».¹⁰⁶

Итак, мы свободно объединяемся, чтобы переживать опыт *Comunione e Liberazione*, потому что мы следуем не за людьми (Ивановым, Петровым, Сидоровым), а за опытом, который признан Церковью. «Цель группы Братства, в конечном счете, – вновь напоминать друг другу, что Христос есть все [...] признавать Того, Кто присутствует среди нас, и помогать друг другу жить этим сознанием [...] пока оно не станет нам привычным. [...] Жизнь группы Братства определена призывом к этому и примером [...] У опыта Братства есть собственные инструменты: главный – это указания [...] имеющие центральное значение для [жизни] Движения – это тот опыт, который мы хотим углубить до самого конца; [...] прежде всего, это то, что мы говорим [на Духовных упражнениях и реколлекциях]: с этим следует сверяться. Затем, есть работа каждой отдельной группы, но это в последнюю очередь, потому что отдельная группа не является источником критерия: критерий – в следовании условиям, указаниям, которые дает центр Движения, основываясь на жизни Движения; в следовании указаниям центральной Диаконии, которая является единственным авторитетным органом [...] признанным Уставом [Братства]»,¹⁰⁷ и ее главы.

Смотрите, как гениально и умеренно отец Джуссани мыслит жизнь и роль отдельных групп Братства: «Братство определяет для себя правило

¹⁰⁴ L. Giussani, *L'opera del movimento. La Fraternità di Comunione e Liberazione*, San Paolo, Cinisello Balsamo (Mi) 2002, pp. 215.138.167.144.216.

¹⁰⁵ L. Giussani, «Il miracolo della Compagnia», in *CL-Litterae Communionis*, n. 10, ottobre 1992, p. 3.

¹⁰⁶ L. Giussani, *L'opera del movimento. La Fraternità di Comunione e Liberazione*, op. cit., pp. 169-170.

¹⁰⁷ Там же, стр. 216.170.

[...]: первое – общая молитва, второе – послушание Центру Братства, следование, третье – общий фонд, четвертое – сотрудничество в деле, то есть в Движении, служение Движению в разных формах».¹⁰⁸

3) *Общий фонд один*

На вопросе общего фонда я хотел бы остановиться подробнее: из всего только что сказанного понятно, что *общий фонд тоже один*, и Братство всегда мыслило и предлагало его таким образом (я подчеркиваю это не только для новичков, но и для всех). Это обязательство

– личное;

– *ежемесячное* (идея была в том, чтобы отдавать в общий фонд какую-то часть зарплаты, влияя таким образом на способ пользования благами; и это нищета);

– размер взноса устанавливается *свободно*. Отец Джуссани говорит: «Участие в общем фонде обязательно и свободно: обязательно, потому что каждый должен в нем участвовать, и свободно, абсолютно свободно, в смысле размера взноса».¹⁰⁹

Пусть каждый с абсолютной свободой определит для себя размер взноса: не важно, что кто-то даст один евро, потому что не может дать больше. Я говорю это особенно тем людям, которые сообщили нам о проблемах с работой, и тем пенсионерам, которые написали или позвонили нам. Прочитаю вам в качестве примера одно из таких писем: «С большим сожалением сообщаю, что мне пришлось уменьшить размер ежемесячного взноса в общий фонд на 2010 год. В течение последних 13 лет, с того момента, как умер мой муж, я всегда старалась исполнять принятое обязательство, не уменьшая взнос, несмотря на то, что мне надо было поднять и выучить троих детей. Но теперь из-за серьезной болезни я не могу продолжать работать и живу на пенсию, которая осталась от мужа. Я уверяю вас, что, уменьшая в два раза размер взноса, я удваиваю привязанность и осознание принадлежности Братству, осознание того, что Братство есть инструмент, который Господь дал мне, чтобы я поняла на опыте, что реальность есть путь к Нему и Его знак».

Обязательство перед общим фондом важнее любой частной инициативы в пользу вашей общины: благотворительной, миссионерской или какой угодно другой. Общий фонд Братства служит *для строительства общего дела, которое есть Движение*, и это, как нас учили, более служит славе Божией, чем любая другая справедливая помощь отдельным людям или начинаниям. Речь идет о том, чтобы воспитывать себя и открываться,

¹⁰⁸ Там же, стр. 205.

¹⁰⁹ Там же, стр. 115.

прежде всего, суждению о том, на основе какого критерия мы совершаем все наши поступки.

Проверка истинности обязательства поддержки других инициатив, которое мы также можем свободно взять на себя, – это любовь и серьезное отношение к общему фонду Братства (кроме прочего, это позволяет судить о том, насколько хороши эти инициативы или дела, которые, в свою очередь, должны раскрывать нас все больше для единого дела). В противном случае мы выносим суждение на основе симпатий или инстинкта.

Поэтому я прошу вас проверить, соответствовало ли и насколько ваше обязательство в отношении общего фонда до настоящего времени этим критериям.

В заключение прочитаю телеграмму, которую мы послали Папе: «Ваше Святейшество, «Может ли человек родиться снова, будучи стар?» Этот вопрос Никодима стал темой ежегодных Духовных упражнений Братства *Comunione e Liberazione*, в которых приняли участие 26 000 человек, и еще тысячи других в 74 странах мира – через средства связи. Только Христос воскресший делает возможным новое рождение «я» как нового способа смотреть на реальность, судить ее и обращаться с нею. Он становится современным нам в Церкви, чтобы спасти человека здесь и сейчас и чтобы ответить на бесконечную потребность в справедливости, живущую в каждом сердце. Об этом нам вновь напомнило Ваше послание католикам Ирландии. Помня об отце Джуссани, приблизившем к нам личность Христа, мы обновляем наше следование его харизме, которая спустя пять лет после его смерти продолжает рождать нас в непрерывающемся опыте, что Христос пришел в мир не для того, чтобы подменить человека в его работе, но для того, чтобы призвать каждого из нас к истинной религиозности. В ожидании 16 мая, когда мы все сможем собраться вокруг Вас, как дети перед добрым отцом, оплакивающим раны, нанесенные телу Христа, как мы увидели на Мальте, сейчас в Римини мы молимся за Вас, в ком мы видим восхитительное свидетельство нового человека, рожденного от Духа, который своими словами и поступками показывает нам, что вера соответствует жизненным потребностям, то есть что христианское событие, побеждающее разрыв между знанием и верой, созвучно человечности. Прося у Богородицы, чтобы мы могли все больше «прилепляться» к Христу, как Иоанн и Андрей, вместе со всеми нашими общинами, разбросанными по миру, мы говорим Вам: спасибо, Ваше Святейшество!».

СВЯТАЯ МЕССА

ПРОПОВЕДЬ ОТЦА СТЕФАНО АЛЬБЕРТО

«Я даю им жизнь вечную» (Ин. 10, 28). Я уверен, что в течение нынешних дней эти слова – «вечная жизнь» – для каждого из нас, обычно живущих в неопределенности и неясности, в неопределенности надежды, как будто она находится вне жизни, за ее пределами, обрели форму и материальность. Коль скоро верно, что Христос именуется этими словами благой судьбу, с которой никто не может нас разделить, если только не наш упрямый мятеж, то верно также – как всегда напоминал нам отец Джуссани и как это живо проявилось на наших глазах в течение этих дней, – что вечная жизнь начинается не в ином мире, но здесь и сейчас, в опыте современности Христа, Который каждый день, каждый миг приводит в движение наше сознание, нашу свободу.

Последнее слово, которым завершаются эти Упражнения, – это слово «Отец»: «Отец мой больше всех». Никто не может похитить нас из руки Отца. Эта сила, эта радикальность принадлежности каждого из нас, хрупких и грешных, – действительно правда, ибо это показывают последние слова Христа: «Я и Отец – одно». Единство Отца и Христа есть Личность: Дух, Дух нашего Крещения – об этом нам напомнил Хулиан, – и поэтому «я – уже более не я, но Ты, Христе, живущий во мне». Это Дух, получающий в харизме историческую, убедительную, волнующую, потрясающую, переворачивающую жизнь форму.

Вернемся домой, вернемся к ежедневной жизни внутри приключения Церкви, внутри жизни этой страны, такой прекрасной и так измученной силами, которые не заинтересованы ни в мире, ни в общем благе; вернемся к ней, осознавая свою великую ответственность, с радостью, уверенные в этом отцовстве, в этом объятии, из которого никого не возможно похитить; вернемся с готовностью явить всем через приношение нашей жизни надежду, радость, уверенность, которые Христос дарует нам и постоянно обновляет через харизму.

ПОЛУЧЕННЫЕ СООБЩЕНИЯ

Дорогой отец Хулиан,

в этом году я снова хочу поприветствовать всех друзей из Братства *Comunione e Liberazione*, собравшихся в Римини по случаю Духовных Упражнений, и в этот важный момент истории заверить в своей близости к вам через молитву.

Желаю, чтобы красота и новизна, которые я вижу здесь в Бразилии, смогли распространиться на все Движение как внезапно расцветающая благодать, как дар.

Еще во времена «Студенческой молодежи» отец Джуссани уделял большое внимание Бразилии как стране, где за пределами Италии могли бы конкретным образом проявиться вселенские измерения нашего опыта. И обещание Господа исполняется непредвиденным образом, удивляет и поражает нас. Какое волнение я испытываю, слыша слова Клеузы Зербини, когда она благодарит меня за «да», которое мы вместе с множеством друзей говорили все эти годы. На последней встрече священников в январе она повторила с трогательной благодарностью: «Без вас нас не было бы». Это логика преемственности жизни в сочетании с изумительной логикой Господа, которая есть «новое начало».

Взволнованный тем, что Господь сегодня совершает среди нас, приветствую вас и посылаю вам свои молитвы.

Монсеньор Филиппо Санторо
Епископ Петрополиса

Дорогие друзья,

мы все являемся друг для друга живым свидетельством, что можно возродиться, что можно в изумлении наблюдать обновление разума и сердца, так что ежедневная жизнь в разнообразии обстоятельств и ситуаций становится поводом для того, чтобы переживать это обновление и с радостью свидетельствовать об этом перед людьми.

Все вы, собравшиеся в Римини (к сожалению, в этом году я не могу приехать), знаете, что это стало возможно благодаря встрече с отцом

Джуссани и его харизмой, верность которой мы призваны сохранять, несмотря на ограничения и противоречия нашей жизни. Изменения, происходящие в нашей жизни, являются свидетельством во плоти силы Христа воскресшего.

Благословляю вас.

Монсеньор Луиджи Негри

Епископ Сан Марино-Монтефельтро

ОТПРАВЛЕННЫЕ ТЕЛЕГРАММЫ

*Его Святейшеству
Бенедикту XVI*

Ваше Святейшество, «Может ли человек родиться снова, будучи стар?» Этот вопрос Никодима стал темой ежегодных Духовных упражнений Братства *Comunione e Liberazione*, в которых приняли участие 26 000 человек, и еще тысячи других в 74 странах мира – через средства связи. Только Христос воскресший делает возможным новое рождение «я» как нового способа смотреть на реальность, судить ее и обращаться с нею. Он становится современным нам в Церкви, чтобы спасти человека здесь и сейчас и чтобы ответить на бесконечную потребность в справедливости, живущую в каждом сердце. Об этом нам вновь напомнило Ваше послание католикам Ирландии. Помня об отце Джуссани, приблизившем к нам личность Христа, мы обновляем наше следование его харизме, которая спустя пять лет после его смерти продолжает рождать нас в непрерывающемся опыте, что Христос пришел в мир не для того, чтобы подменить человека в его работе, но для того, чтобы призвать каждого из нас к истинной религиозности. В ожидании 16 мая, когда мы все сможем собраться вокруг Вас, как дети перед добрым отцом, оплакивающим раны, нанесенные телу Христа, как мы увидели на Мальте, сейчас в Римини мы молимся за Вас, в ком мы видим восхитительное свидетельство нового человека, рожденного от Духа, который своими словами и поступками показывает нам, что вера соответствует жизненным потребностям, то есть что христианское событие, побеждающее разрыв между знанием и верой, созвучно человечности. Прося у Богородицы, чтобы мы могли все больше «прилепляться» к Христу, как Иоанн и Андрей, вместе со всеми нашими общинами, разбросанными по миру, мы говорим Вам: спасибо, Ваше Святейшество!

свящ. Хулиан Каррон

*Его Высокопреосвященству кардиналу Тарчизио Бертоне
Государственному секретарю Его Святейшества*

Ваше Высокопреосвященство, сообщение, присланное Вами от имени Святого Отца, показало 26 000 членам Братства *Comunione e Liberazione*, находящимся в Римини по случаю проведения Духовных Упражнений, и

многим другим, присоединившимся к нам через средства связи в 74 странах мира, материнство Церкви, в которой мы встречаемся с личностью Христа. Оно укрепило нашу уверенность, что следование харизме отца Джуссани является для нас путем уподобления Тайне Христа воскресшего, начала нового творения. Пусть Богородица неусыпно хранит Вас в исполнении нелегкой обязанности полной преданности Бенедикту XVI в этот исторический момент.

свящ. Хулиан Каррон

*Его Высокопреосвященству кардиналу Анджело Баньяско
Президенту Конференции епископов Италии*

Ваше Высокопреосвященство, во время Духовных Упражнений Братства *Comunione e Liberazione*, в которых участвовали 26 000 человек и тысячи других в 74 странах мира – через средства связи, мы размышляли над вопросом из Евангелия: «Может ли человек родиться снова, будучи стар?» Уверенность в том, что «в общении Церкви мы встречаем личность Иисуса Христа» (Бенедикт XVI), дух Которого превращает нас в новые творения, побуждает нас возобновлять путь в повседневной реальности, следуя харизме отца Джуссани и желая свидетельствовать, что только Христос отвечает на потребности сердца и снова приводит в движение жизнь человека. Пусть Мария никогда не оставит Вас своим надежным заступничеством.

свящ. Хулиан Каррон

*Его Высокопреосвященству кардиналу Станиславу Рылько
Президенту Папского совета по делам мирян*

Ваше Высокопреосвященство, во время Духовных Упражнений Братства *Comunione e Liberazione*, в которых участвовали 26 000 человек и тысячи других в 74 странах мира – через средства связи, мы пережили на опыте, что только Христос может должным образом ответить на вопрос Никодима: «Может ли человек родиться снова, будучи стар?» В послушании Святому Отцу, следуя за отцом Джуссани, который в пятую годовщину своей смерти продолжает рожать нас в вере, мы продолжаем жить как верные миряне ради свидетельства, что новое творение, которое рождается в Крещении, переживает в Церкви опыт современности Христа, спасающего всего человека.

свящ. Хулиан Каррон

ИСКУССТВО В НАШЕЙ КОМПАНИИ

Составитель – Сандро Кьеричи

(Руководство к прочтению изображений, заимствованных из истории искусства, демонстрация которых сопровождает воспроизведение отрывков классической музыки при входе и выходе)

Изображения выбраны из цикла фресок Микеланджело Буонарроти в Сикстинской капелле в Ватикане. Цикл располагается на центральной части свода (сцены творения и история прародителей), в антрвольтах и в парусах у основания свода (пророки и сивиллы), в люнетах наверху боковых стен (предки Христа) и на западной стене (Страшный суд).

Изображения проецируются в следующем порядке:

Сотворение Адама; Сотворение Евы; Первородный грех; Изгнание прародителей из Рая; Опыянение Ноя; Всемирный потоп; Пророк Захария; Дельфийская Сивилла; Пророк Иоиль; Пророк Исая; Эритрейская Сивилла; Кумская Сивилла; Пророк Иезекииль; Пророк Иеремия; Пророк Иона; Страшный суд, общий вид; Группа трубящих ангелов; Зев ада; Воскресение мертвых; Восхождение избранных; Группа мучеников; Избранные: т.н. группа «церковь»; Избранные: т.н. «группа Дисмы»; Святые по обе стороны Христа; Левый люнет: ангелы с крестом и терновым венком; Правый люнет: ангелы со столбом и тростником; Христос Судия и Дева.

Содержание

ПОСЛАНИЕ ЕГО СВЯТЕЙШЕСТВА БЕНЕДИКТА XVI	3
<i>Пятница 23 апреля, вечер</i>	
ВВЕДЕНИЕ	4
СВЯТАЯ МЕССА — ПРОПОВЕДЬ ОТЦА МИКЕЛЕ БЕРКИ	11
<i>Суббота 24 апреля, утро</i>	
ПЕРВОЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ — <i>Только божественное может «спасти»/«сохранить» человеческое</i>	12
СВЯТАЯ МЕССА — ПРОПОВЕДЬ ЕГО ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕНСТВА КАРДИНАЛА АНДЖЕЛО СКОЛЫ, ПАТРИАРХА ВЕНЕЦИИ	28
<i>Суббота 24 апреля, день</i>	
ВТОРОЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ — <i>«Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство небесное» (Мф. 5, 3)</i>	34
<i>Воскресенье 25 апреля, утро</i>	
АССАМБЛЕЯ	50
СВЯТАЯ МЕССА — ПРОПОВЕДЬ ОТЦА СТЕФАНО АЛЬБЕРТО	66
ПОЛУЧЕННЫЕ СООБЩЕНИЯ	67
ОТПРАВЛЕННЫЕ ТЕЛЕГРАММЫ	69
ИСКУССТВО В НАШЕЙ КОМПАНИИ	71

The first part of the document discusses the importance of maintaining accurate records of all transactions. This includes not only sales and purchases but also expenses and income. Proper record-keeping is essential for determining the correct amount of tax owed and for identifying potential areas for tax savings.

One key area of focus is the treatment of depreciation. Depreciation allows businesses to recover the cost of their capital assets over time. However, the rules regarding depreciation have become increasingly complex, particularly with the introduction of bonus depreciation and Section 179. It is crucial to understand the specific requirements and limitations of these provisions to maximize their benefits.

Another important consideration is the treatment of interest expense. The Tax Cuts and Jobs Act of 2017 introduced significant changes to the deductibility of interest. For example, the deduction for interest on investment property is now limited to the amount of investment income. Similarly, the deduction for interest on business debt is now subject to a new limitation based on the adjusted taxable gifts of the taxpayer.

Finally, the document addresses the importance of staying up-to-date on the latest tax developments. The tax code is constantly in flux, and new legislation and court decisions can have a significant impact on a taxpayer's obligations. Regular consultation with a tax professional is essential to ensure that a taxpayer's records and tax strategy remain current and compliant.